

ГАЛИНА РОМАНОВА

ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗА ВИКИНГА

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Зеленые глаза викинга

«ЭКСМО»

2010

Романова Г. В.

Зеленые глаза викинга / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2010 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-45547-8

Опытный следователь Дарья Полукарова так и не смогла доказать причастность господина Баскакова к зверскому убийству семьи его конкурента. Захар вышел на свободу и поклялся отомстить ей лично. И вскоре Дарья попадает в плохую историю. Ее застают на месте убийства мужа лучшей подруги. С пистолетом в руке. Даша оказалась за решеткой. Она уверена: за всем этим стоит Баскаков – чудовище, негодяй и чертовски обаятельный красавец... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-45547-8

© Романова Г. В., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Романова

Зеленые глаза викинга

Глава 1

Зачем поехала? Что хотела познать? Чему выучиться? От чего отречься? Или, может быть, хотела увидеть себя сильной, волевой, неуязвимой?

Может быть, может быть... наверное.

А вышло что?!

Вышло так себе, даже не на слабую троечку. И даже два балла много. Кол! Огромный жирный кол она себе поставила в собственную зачетку за предмет самообладания и работы над собой. Проще говоря, работа над ошибками не удалась. А стало быть, не задался и отдых.

Так ведь если бы отдыхать туда поехала, а то за доказательствами! А доказать-то самой себе и не удалось ничего. Оттого и злилась на все и всех.

Досталось и начальству, благосклонно позволившему отбыть к теплому морю в середине июля. Могли бы и продинамить. И рапорт не подписывать, и по плечу не хлопать, и не желать всякого такого, отчего ей пришлось опустить глаза и даже аж зардеться. В ее-то годы!!!

И в билетной кассе девчушка тоже хороша! Взяла и подсунула ей попутчиком молодого мужика, сказавшегося холостым сразу, как в купе ввалился. А от его свежевыглаженной рубашки, наощенных туфель и аппетитных бутербродов, что он начал метать на стол, за версту разило супружеством. И если бы это одно, а то и след незагоревший от обручального кольца, которое он наверняка, как в поезд сел, в карман спрятал, глаза мозолил, и звонки на мобильный каждые полчаса. Тут и ее дедуктивного мышления не нужно было, чтобы понять – жена звонит. В телефоне так и пело: «Где ты, где ты, милый мой, потеряла силы я...»

Противно стало до тошноты.

Ее бывший так же вот, наверное, кольцо прятал, как в командировки уезжал. И голос понижал до шепота, когда на ее звонки отвечал. И врал, врал все время что-то несуразное, от чего хотелось орать на него и биться головой о стену.

Не орала, не билась, молча наливалась тихой яростью долгие годы – целых шесть, а потом взяла и развелась с ним в одночасье, пока он из очередной командировки ей витиевато врал про отложенные на три дня совещания с заседаниями. Знала же прекрасно, что никто ничего не переносил, все прошло в срок. И что снова он приедет загорелым, даже там, где телу положено быть белым, – под трусами.

– Вы не очень-то старайтесь, мужчина, – произнесла она сквозь зубы после неудачных трех попыток попутчика разговорить ее. – Я не собираюсь заводить случайных знакомств, тем более в купе!

– Почему?! – вытаращил он на нее слабо выкрашенные природой голубоватые глаза. – Все же располагает, Дашенька! Все!

– Да ну?! – Она даже бровки поленилась кверху приподнять, настолько презираем ею вдруг стал попутчик. Глянула на него сквозь ресницы, прикрыв лицо до половины газетой. – И что же, по-вашему, должно располагать? Надоедливый стук колес? Звон стаканов за дверью? Голоса пассажиров, что вышли покурить и оправиться? Относительной свежести постельное белье? Или... Или ваша, пардон, щенячья радость по поводу того, что от жены уехать удалось на недельку-другую?

Он так обиделся! Аж ахнул, как женщина, стоило ей замолчать. А потом из купе куда-то рванул и не возвращался часа четыре, а то и больше. Она задремала и за временем не следила, если честно.

А чего психанул, в самом деле? Правда ранит, да? Вот и ее бывшего тоже, наверное, это ранило в самое уязвимое его место – в чресла то есть. Он тоже так же ахнул, охнул, схватился за сердце, когда она ему в нос сунула свидетельство о разводе и произнесла монолог, достойный великих. Потом попытался прослезиться, но не вышло под ее отточенным долгими тренировками насмешливым взглядом. Поскольку слезы его были бы неубедительными, потому как не зная о готовящемся разводе он не мог. Дважды самолично расписывался в получении повесток. Наивно полагал, что, если не придет, их не разведут? Ох, дурачок! Детей у них не было? Не было. Процедура упрощена? До невозможного! Повестки получал? Получал. Прогнорировал? Проигнорировал. Вот и получи, Витенька, что заслужил.

Короче говоря, собрал он вещи и отбыл восвояси. И не звонил потом целых полгода и не появлялся. А потом вдруг начал каждый месяц напоминать о себе и задавать один и тот же вопрос – не передумала ли она.

Странно, как много в мужчинах общего! Ее попутчик вернулся ближе к вечеру изрядно выпивши. Сел на свое место напротив, два верхних все еще пустовали. Глянул на нее со значением и тут же спросил:

– Дашенька, а вы не передумали?

Она даже рассмеялась, честное слово, настолько комичной показалась ей ситуация. Ее шкодливый котяра, отгуляв исправно все шесть лет супружества и оказавшись выброшенным за борт, вынашивал полгода обиду, а потом решил, что ей без него ну никак. И принялся время от времени скрестись коготками в ее дверь.

И этот туда же!

– Что должно было случиться такого, Степа, – так он назвался, когда ввалился в купе, – чтобы я могла передумать? Заскучать? Почувствовать себя одинокой? Истосковавшейся по мужскому теплу и рукам?

– Хотя бы! – воскликнул он, странно заблестев на нее слабо выкрашенными природой глазами. – Разве этого мало?

– Мало для чего? – устало отмахнулась она от него.

Меньше всего ей хотелось сейчас вести никчемные разговоры. Хотелось притвориться уснувшей и подумать. А он пристал!

– Мы с вами одни! Никто нам не помешает, пока... – Он долго подыскивал нужное слово, боясь разозлить ее. – Пока поезд идет к морю!..

– Пока ваша жена стирает пеленки! – перебила его Даша с раздражением и тут же резко села, сбросив ноги с полки на пол. – Так! Стоп! А с чего это такая уверенность, что никто нам не помешает в дороге? В нашем купе еще два свободных места, их могут занять на любой станции! Степа-аан!!! Смотрите мне в глаза! Откуда такая уверенность, а?

Могла бы и пожалеть парня, таким жалким он враз сделался. Нет же! Привычка к допросу уже в крови, в каждой клетке тела. Все-то ей нужно нестыковки уловить, проанализировать, преподнести, когда нужно, и прижать к стене.

Ну, узнала она, что девушка в билетной кассе его троюродная по материнской линии сестра, и что, легче стало? Ну, сделала та брату, несчастливому в браке, услугу, подобрав ему попутчицу с виду поинтереснее, дальше-то что?

– Глупо как, Степан, не находите? – тут же принялась она его воспитывать, как руки вдоволь повыкручивала, образно, конечно. – На моем месте могла оказаться преступница, интриганка какая-нибудь, аферистка! Вам, можно сказать, повезло, что я работаю в милиции, а то могли бы попасть в нелепейшую ситуацию.

– Да уж повезло! Лучше бы они, чем так вот, – огрызнулся он, вспотев лицом и телом. – Удружила сестрица, нечего сказать. Мента мне в купе сунула. Могла бы, между прочим, и предупредить, документики-то наверняка ваши видела, когда вы билет покупали. А она ни гугу! Красавица...

На «мента» она всерьез обиделась и до самого конца путешествия больше не говорила с ним. Больше они не увиделись.

Казалось бы, расслабься и отдохни, дорогая!

Нет же, как же!!!

Оставалась подруга, которой еще не досталось на орехи. О ней вспомнилось на третий день, когда было извлечено с самого дна чемодана Маринкино любимое черное платье, в которое та не влезала уже пару лет. Надела Даша маленькое черное платье в блестках и с боа, пошла в ресторан при отеле, тут же была окружена вниманием и тут же снова принялась злиться. Сначала на Маринку, потом на назойливых мужиков, ухаживающих нелепо, а то и откровенно пошло. Администраторшу вспомнила нехорошим словом, которая разболтала одному из ухажеров, что она не замужем.

Зачем поехала?! Что кому доказала?! Хотела повторить ощущения? Вернее, хотела обновленных ощущений, без присутствия блудливого бывшего?

Они же были, были два раза здесь вместе. Первый раз удался. Во всем виделась благодать: погода, море, песок, люди. Второй раз все похерил, поскольку неверный без конца тарасился на баб, пропуская мимо ушей то, о чем она говорила. Забывал о ее просьбах. Ныл, что устал, что обгорел, что болит голова, что ему надо на работу, что горит какая-то командировка.

Вернулись. Он уехал в командировку. И вот из нее-то и вернулся до черноты загоревшим, без следов от трусов.

– Пропади все пропадом! – воскликнула Даша, уставившись злыми глазами на оброненный ею кусок мороженого.

И уронить бы на пол, так ведь нет – на подол сарафана, на самое такое место, что, если кому надо, подумает бог весть что.

– Не стоит так убиваться! – дунул ей в ухо низкий мужской голос, от которого с чего-то по хребту поползли мурашки. – Мороженое отстирывается.

– Допустим! А как я по городу стану добираться в отель?! – говорила она с тем, кто все еще продолжал торчать за ее спиной и дуть ей в ухо низким, хриплым и волнительным голосом. – До стоянки такси сто метров, а с таким пятном...

– Бойтесь себя запятнать? – понятно было, что незнакомец ухмыляется. – Так разве же мороженым это возможно? Нужно что-то посолиднее.

– Послушайте!..

Она резко обернулась, увидела загорелые мужские кисти рук, наполовину втиснутые в карманы светлых брюк. Край льняной широкой рубашки, потом взгляд ее скользнул выше, туда, где внятно бугрились мышцы на груди. Затем шел воротник, охватывающий мощную шею. Подбородок, любой викинг удавился бы, чтобы такой иметь. Нос... Хороший нос... И глаза, черт бы их побрал, эти глаза!

Конечно, она их узнала – эти наглые зеленые глазищи, постоянно чему-то ухмыляющиеся, даже когда властный рот бывал недвижим. Ох, сколько времени у нее ушло на то, чтобы научиться не зависеть от их безусловной неотразимости.

– Сражает наповал, паскуда!!! – шипела с придыханием секретарша Неля, когда этого мужика сначала приглашали для беседы, а потом уже приводили к Даше в кабинет в наручниках. – Прямо, вот как глянет, хоть стой, хоть падай и раздевайся!!!

– Скажешь тоже, Нель, раздевайся! – фыркал ревниво Дашин помощник Ванька, давно и безнадежно нарезающий вокруг их секретарши круги. – На нем крови, может быть, знаешь, сколько!!!

– А ты еще доказать сумей! – огрызалась Неля и как в воду смотрела.

Никакой доказательной базы у Даши и Ваньки не получилось. Все рассыпалось, ломалось и рушилось.

– Может, Даш, ты тоже пала жертвой его неотразимости, а?! Может, мне к нему Ваньку приставить, а тебе другим делом заняться, а?! – выдал однажды версию ее начальник.

– Пал Степаныч!!! – тут же обиделась она и дулась потом на него неделю. – Да вы что?! Он же подозреваемый!

– Вот и работай его, раз он подозреваемый, – рубил ладонью воздух Пал Степаныч на ровные фрагменты. – Чего топчетесь, как пионеры, на одном месте!

– Мы и работаем! – выпрямила Даша спину так, что аж пуговицы на груди затрещали. – Мы же...

– Мы же, они же, вы же! – снова перебил ее начальник и рукой на дверь указал: – Через день, если ничего не будет, отпустить должна своего красавчика.

Нелька, паразитка, на последних словах как раз в кабинет с чаем сунулась. Выслушала, в головенке своей белобрысой прокрутила и прицепила потом этого возможного уголовника, соскочившего со всех мыслимых и немыслимых подозрений, к Даше.

– Как там твой красавчик поживает?

– Что нового о красавчике твоём?

– Не слыхала, говорят, весь бомонд съел по галстуку от новой тачки твоего красавчика!

Даша хоть и бесилась, но отшучивалась, как могла. Нелька была родной племянницей кого-то сверху, и ей прощались и бесконечные отгулы за прогулы, и опоздания, и отвратительный по вкусу чай. Как тут рот ей закроешь!

А тем более теперя она не могла бы ничего ей возразить, когда этот самый красавчик стоит позади Даши, ухмыляется и тарачится наглыми глазищами на ее подол, выпачканный мороженым.

Что тут скажешь?! Нелька-то понятно, что сказать могла.

– Здравсте, Дарь Дмитриевна.

Бывший подозреваемый, на которого не удалось ничего накопать и поэтому пришлось отпустить, обошел ее сбоку. Выдвинул стул напротив, сел, тут же положил ноги на соседний с ней стул, почти касаясь подошвами ботинок ее коленей, улыбнулся одними губами, глаза оставались холодными, и повторил:

– Здравствуйте, уважаемая Дарья Дмитриевна. Узнаете меня? Если нет, я представлюсь, – и протянул растопыренную пятерню.

Пожать руку человеку, которого ей отчаянно хотелось упечь за решетку, представилось ей абсурдным. Поэтому она просто кивнула и буркнула:

– Нет нужды, я вас помню, Захар... Захар Валентинович Баскаков.

– Сорока двух лет от роду, ранее не судим, но...

Даша тут же насторожилась. Она и так не особо была спокойной из-за его глаз, что сейчас не улыбались, оттого удивляли и тревожили. А тут еще это «но», прозвучавшее с явной угрозой.

– Но кому-то очень сильно хотелось, чтобы было не так, – продолжил Баскаков с нажимом. – И этот кто-то делал отчаянные попытки облить меня грязью с тем, чтобы подыскать мне подходящую статью и упрятать на долгие годы за решетку. И вот теперь этот кто-то сидит напротив меня, трясет выпачканным подолом и...

– И что?! – она бросила в его сторону взгляд, которого побаивались все, включая уголовников.

– И мне вдруг пришла в голову совершенно невероятная идея выпачкать ее душу так же, как сейчас выпачкан ее подол. – Он перестал быть красавчиком, от вида которого писала заваркой Неля, он сделался страшным мощным зверем. – Станет ли так же трепетать ее душа, как трепещет теперь ее подол на ветру, а?! Или у этого симпатичного создания с серыми умными глазами вовсе нет души? И пытаться заставить ее страдать бесполезно? Может, тогда взяться за ее плоть, а? Плоть всегда уязвима, даже если чувства мертвы...

Он говорил ей еще что-то. Очень хлесткое, противное и злое. Говорил, не повышая голоса и почти не глядя на нее, успевая при этом улыбаться девушкам, что проходили мимо летнего открытого кафе.

– Почему вы выбрали такую работу? – вдруг спросил Баскаков, без перехода перепрыгнув с темы мести. – Что в ней для вас? Что за идею пашете, не поверю!

– Почему? – Ей не хотелось ему улыбаться, но чтобы разрядить атмосферу, она попыталась: – Взятки я не беру, вы знаете.

– Знаю! – двинул Захар бесподобным подбородком.

– Зарплата не очень велика, об этом вам тоже известно.

– Известно! – еще один кивок.

– Почему тогда не за идею, а, Захар Валентинович?

– Потому что вы, Дарь Дмитриевна, сука, каких мало. Красивая, стареющая сука со скужившимся от одиночества либидо. Оно и заставляет вас свирепеть каждый раз, как к вам в кабинет вводят подозреваемого на допрос. Особенно если такого пригожего, как я.

– Вы...

Ей стало очень горячо от слез, прихлынувших к глазам. И она, конечно же, не должна была позволять себе плакать перед этим мерзавцем, расстреливающим в упор все ее самообладание и уверенность в себе. Гадкие мерзкие слова очень сильно ранили, очень. И она... расплакалась.

– Убирайтесь! – Опустив голову, она пошарила рукой по столу в поисках салфетки, но вспомнила, что все их использовала, уничтожая пятно на подоле сарафана. – Убирайтесь! Гад!!! Какой же вы гад!!!

– Не больший, чем вы гадина, – с издевкой произнес Баскаков, протягивая ей упаковку бумажных платков.

Будто нарочно взял их, предвидя ее слезы.

– Зачем вам было нужно посадить меня, скажите, Даша?

Она молча вытирала лицо и сморкалась, уговаривая себя успокоиться. Ни черта не выходило. Слезы текли сплошным потоком, нос распухал, левый висок ломило от собственного унижения. Про то, что творилось в душе, лучше и не говорить. Там все просто стонало и бесновалось.

Встать бы и уйти, а она сидела! Промокала бумажными носовыми платками лицо, ревела и сидела, как гвоздями к стулу прибитая.

– Это был приказ сверху? – продолжил добивать ее Захар.

– Нет! – покачала она головой, снова поражаясь тому, что отвечает на вопросы бывшего подследственного, обычно всегда было наоборот.

– Тогда почему?

– Что почему? – всхлипнула она, запуская очередной бумажный комочек в стоящую рядом мусорную корзину.

– Почему вам так хотелось посадить меня?

Ей показалось или голос его стал чуть мягче?

– Мне не хотелось вас посадить! Я искала доказательства вашей вины в смерти семьи вашего конкурента. А также...

– Доказали? – обычно зеленые глаза его потемнели до неузнаваемости.

– Нет.

– Почему? Уж не потому ли, что никаких доказательств моей вины у вас не было?

– Не было.

– А почему? – настырно приставал он. – Уж не потому ли, что я не был причастен к тем преступлениям, в которых вы пытались меня обвинить?

– Может быть... Не знаю... – мотнула она головой и вздохнула полной грудью, слезы наконец иссякли. – Может, потому, что вы были не виновны, может, потому, что у вас хороший адвокат и много денег, посредством которых вы подкупили свидетелей.

– Но ведь и это доказать не удалось, не так ли?

– Так.

Чего было спорить, если они оба – участники той истории – знали все прекрасно.

– И вот теперь я перехожу к самой главной причине, по которой я с вами разговариваю. – Носок его ботинка с силой уперся в ее колено, сделав ей больно. – Я хочу знать все о ваших чувствах!

– В смысле? – не сразу поняла она, пытаясь отодвинуться со стулом чуть в сторону.

– В том самом, что мне очень хотелось бы знать, что испытали вы, когда вам пришлось освободить меня: злость, досаду, разочарование, ненависть? Что? Что вы испытывали по отношению ко мне?

– К вам?! – Даша вытаращилась на него как на умалишенного. И тут же начала привирать слегка: – При чем тут вы?! Я никаких чувств к вам не испытывала и не испытываю. Я и права такого не имею. Я была, есть и должна оставаться беспристрастной. Да, досадно было, что не удалось раскрыть преступления и...

– Что не удалось повесить на меня чужое зло? И заставить меня за него ответить? Вы же умная баба, Даша!

– Выбирайте, пожалуйста, выражения, – поморщилась она, сумев наконец отодвинуться от его ботинок.

– Ах, простите! – ухмыльнулся он. – Так вот, вы умная женщина, опытный следователь, почему же вас так перекосило? Почему вы во мне не увидели невинного и продолжили трепать мне нервы, держать в камере, вместо того чтобы попытаться найти настоящего убийцу? Работали по принципу: был бы человек, а дело на него повесим?

– Нет! – замотала она головой, умоляя уже себя просто встать и уйти, а все равно сидела.

– Значит, вы искренне полагали, что я могу быть убийцей? – он вдруг опустил свой голос до шепота, глаза сделались еще темнее. – Полагали, Дарья Дмитриевна?

– Полагала, – кивнула она как под гипнозом.

– Но доказать не смогли?

– Не смогла.

– И до сих пор полагаете, что я – как убийца – несправедливо разгуливаю на свободе?

– Полагаю.

Ну, что за дура, в самом деле! Куда подевалось профессиональное чутье, хватка, что сделалось с интуицией?! В слезах все утонуло, что не поняла, куда он клонит?

– Так вот раз вы так полагаете, то бойтесь меня, Полукарова Дарья Дмитриевна, тридцати восьми лет от роду, проживающая... – и он назвал ее домашний адрес и все телефонные номера: двух мобильных и домашнего. – Ночью бойтесь выходить одна, пустынных улиц бойтесь, ночных звонков в дверь, а также странно вздымающейся балконной шторы...

– Вы мне угрожаете?

Наконец-то она вскочила с места, забыв про испорченный мороженым подол, про зареванное лицо и про пыльное пятно на коленке – след от подошвы его туфли.

– Я? Вам? Угрожаю? – Он фальшиво рассмеялся, засверкав безупречным фарфором зубных протезов. – Помилуйте! Разве я могу?! Просто считаю, что раз такой гнус, как я, все еще на свободе, жизни и здоровью мирных граждан может грозить опасность.

Баскаков сбросил ноги со стула, поднялся, подошел к ней вплотную, уверенно схватил ее под руку и силой повел куда-то, приговаривая на ходу тихо, но весьма внятно:

– Не стоит орать и вырываться. Мы с вами в чужом городе. До нас никому нет дела. К тому же ваш перепачканный непрезентабельный вид не внушает доверия. Не дергайтесь, а спокойно идите к моей машине.

И она шла! Шла, понуро повесив голову и едва перебирая ногами. Понимала, что он сейчас посадит ее в машину, потом может пристрелить в лучшем случае, в худшем – закопать живьем, как поступили с семьей его конкурента. Кто знает, может, это он и сделал. И все равно ведь шла, вместо того чтобы заорать и начать махать служебным удостоверением, которое всегда носила с собой в потайном кармашке сумочки.

– Вот и умница! – похвалил он ее, заводя машину и сдавая назад со стоянки. – Чего орать и кулаками махать! Ничего же нельзя сделать, не так ли?..

Он не убил ее, не повез за город закапывать живьем в каком-нибудь песчаном бархане. Он довез ее до отеля, в котором она поселилась. Он и это знал, даже не спросив куда, подкатил точно по адресу. Заглушил мотор, откинулся спиной на дверцу, оглядел ее внимательно. Вдруг нагнулся и вытер пыльное пятно на ее коленке.

– Простите, Даша, – обычным, человеческим голосом пробормотал Баскаков. – Простите, что так перепугал вас.

– Считаете... – засипела она, глотнула воздуха, прокашлялась. – Считаете, что вам это удалось?

– Да, вы были сильно напуганы, растеряны, я бы даже сказал, раздавлены.

Его взгляд снова сделался шальным и ласкающим, от которого их секретарша Нелька не знала, что и делать: то ли стоять, то ли падать и раздеваться. Ладонь все еще лежала на ее коленке, будто бы вытирая пыльное пятно, но надобности в этом уже не было.

– Удовлетворены? – Даша стряхнула его ладонь с ноги, потянула дверную ручку, распахивая дверь.

– Я? Удовлетворен? – его губы выгнулись скептически. – Полноте, Дашенька! Какое удовлетворение?!

– Что вам нужно от меня? – Она выбралась на улицу, погладила ладонями подол сарафана, чуть просох, и то неплохо. – Напугали, поиздевались, почувствовали себя хозяином положения. Мало?

– Мало! – Он удержал дверь, которой она пыталась садануть изо всей силы. – Еще как мало, Дашенька! Отмщенным я смогу себя считать, когда вы...

Он вдруг умолк, рассматривая ее всю.

– Когда вы будете повержены.

– Да идите вы! – вспыхнула она, заметив, как он задержал свой взгляд на ее до неприличия глубоком декольте. Шагнула в сторону от машины и вдруг обернулась и сказала то, за что себя потом столько раз ругала: – Да, Захар Валентинович, хочу вас успокоить. С моим либидо все в полном порядке!

Тряхнула головой и пошла, а он дико ржал ей в спину. Вот так! Триумфального ухода не вышло. Да с таким чудовищем не стоило и пытаться. Стоило все позабыть и продолжить жить.

Старалась! Совершенно точно прилагала максимум усилий, пытаясь забыть о той отвратительной встрече на курорте, выходило плохо. А через две недели после возвращения вдруг поймала себя на мысли, что чаще стала оглядываться, если приходилось возвращаться домой в темноте. Что, прежде чем войти в подъезд, долго осматривает двор и прислушивается. Дома не лучше. Лазила по шкафам, трогала занавески, вздувшиеся пузырьком от сквозняков, проверяла раза по три запоры на окнах и двери.

Маразм! Паранойя!!! Может, стоило обратиться к спецу? И тут же вздыхала, качая головой.

Нельзя, дойдет слух до начальства, станут разбираться, будет худо. О том, чтобы рассказать Ване или Маринке, не могло быть и речи. Ваня тут же станет ей телохранителем и будет

таскаться за ней повсюду, а она этого терпеть не могла. Маринка и вовсе высмеет. У той была одна радость и проблема в жизни – ее ненаглядный муженек Мишенька. За него одного она боялась и тряслась над ним, как орлица над орленком. Чтобы не заболел, чтобы, не дай бог, не увели. К страхам своей подруги Марина, разумеется, отнесется с пониманием, внимательно ее выслушав, но забудет тут же, если Мишенька пару раз кашляет.

Словно учуяв, что Даша именно в этот момент думает о ней, Маринка позвонила.

– Привет, – сиплым то ли со сна, то ли от слез голосом поприветствовала она подругу. – Не спишь?

– Уже нет, но пока валяюсь.

Даша поискала взглядом часы – без четверти десять. Ну и что? Имеет полное право в воскресный день побаловать себя. Тем более что вчера до половины двенадцатого ночи обследовала квартиру на предмет проникновения в нее злоумышленников. Совсем свихнулась!

– И я не сплю! – пожаловалась Марина и вдруг всхлипнула, стало быть, сипела она не спросонья, а наревевшись вдоволь.

– Что-то случилось? Почему ты плачешь? Неприятности на работе? – участливо поинтересовалась Даша, хотя была уверена, что речь снова пойдет о Мишке.

– Какая работа! Какая работа, Даня!!! – причитала Марина. – Мишаня!!!

– Что с ним? – снова вежливо спросила она у подруги и закатила глаза.

Не иначе у того на заднице вскочил прыщ. С чего же так было убиваться Маринке! И это с утра в воскресенье, когда подругу раньше одиннадцати не поднять.

– С ним все пока тьфу-тьфу! – попеняла она Даше изменившимся строгим голосом.

– А с кем не тьфу-тьфу?

Стало быть, с Мишкиной задницей все в порядке. И то хорошо.

– То воешь – Мишаня! То говоришь, что с ним все в порядке. Нелогично, подруга. – Даша зевнула. Потерлась щекой о шелковую наволочку – подарок подруги к Женскому дню. – Чего воешь-то? Правильнее, по ком?

– Соседка!!! – прошипела Маринка зловеще. – Данечка, у меня новая соседка!!!

– В тридцать восьмой? – уточнила Даша.

Квартира слева от семьи ее друзей постоянно ходила по рукам. То ее снимали, то продавали, то обменивали. Соседи у Марины с Мишей менялись чаще времен года за окном, это напрягало. То алкаши какие-нибудь въедут, то студенты, что почти одно и то же. То старуха как-то полгода жила, развела тараканов и мышей, хоть вешайся.

Теперь-то что?! Вернее – кто теперь?

– В тридцать восьмой, в тридцать восьмой, – поддакнула Марина, хлюпая носом. – Новая соседка, представляешь!

– С трудом, – призналась Даша, повернулась на бок, потянулась к пульту от телевизора, начинать день любила с новостей. – Что с ней не так, Марин?

– В том-то и дело, что все как раз так!!! – завопила та.

– То есть?!

– У нее ноги от подмышек! – с жаром начала перечислять Маринка, чуть понизив голос, не иначе Мишаня где-то сновал неподалеку. – У нее сиськи пятого размера! У нее кожа, как... Как у дельфина, вся гладкая, без намека на морщинки! У нее тачка – офигеть можно! У нее...

– Что?!

– И у нее нет мужика, Данечка!!! – Маринка снова всхлипнула. – Она одинокая, представляешь!!!

– Н-да-аа... – только и смогла Даша вымолвить, тут же начав жалеть подругу, сильно сдавшую свои позиции за последние два года. – А твой что? Таращится?

– А то! Мало этого, вчера вечером бегала ему за мороженым, возвращаюсь, а он из ее двери выходит!

– Да ты что?!

Это была сверхнаглость с Мишкиной стороны. Послать жену за мороженым в магазин, потому что ему сладкого вдруг захотелось, могло его переклинить, запросто могло. А самому в это время за сладким в соседнюю дверь постучать.

Сволочь! Все мужики сволочи!!!

– Именно! – жаловалась меж тем Марина. – Я стою на ступеньках, как дура, с коробкой кофейного мороженого, за которым пришлось бежать аж за три квартала, в нашем магазине разобрали. А он вываливается из ее двери с самой сладкой своей улыбочкой и что-то щебечет, щебечет ей чуть не на ухо, а сам глаз с ее сисек не сводит. Даня, я пропала!!!

Даша минут пять слушала непрекращающийся плач в телефонной трубке, перебивать не посмела, будет только хуже, по опыту знала. Потом, когда чуть стихло, поинтересовалась:

– Ты-то ему на это что? Надеюсь, кофейным мороженым по мордасам прошла?

– Гм-мм, ну о чем ты говоришь, Данечка? – построжела подруга, прочищая горло смущенным покашливанием.

Да, действительно! О чем это она? Посмела так святотатствовать! Мишеньке мороженым да по любимым мордасам! Разве это допустимо?!

Ох, господи! Как же ее достали лихие друзья! Не в смысле поведения, а фамилия у них была такая – Лихая Марина Александровна и Лихой Михаил Васильевич, значившиеся у нее в друзьях уже лет десять.

Маринку она горячо и искренне любила и даже прощала ей сюсюканье с Мишаней.

Мишка...

Мишка ее, если честно, раздражал. И слащавой внешностью своей, и слащавыми манерами, и умом своим незаурядным, так и не нашедшим себе применения. Последние года три Мишаня только и делал, что пытался заработать, не выходя из дома и торча часами в Интернете. Марина тянула полторы ставки старшей операционной сестры. Хорошо еще, что в частной клинике работала, а то непонятно, как жили бы.

Так и в этом было полбеда, что-то ему все же удавалось зарабатывать, какие-то деньги он в дом приносил. Но вот его постоянные мимолетные влюбленности Дашу просто убивали...

– Пойми ты! – увещевала ее как-то Марина, когда Даша, будучи у них в гостях, пыталась наставить подругу на путь истинный. – Ему ведь никто, кроме меня, не нужен. Любит он только меня! Все эти киски – день, два, от силы неделю, потом снова я для него свет в окне.

– Но ты же страдаешь, Марина!!! – возмущалась Даша. – Почему он не считается с твоими чувствами?!

– Он считается, – дулась на нее за мужа подруга. – Еще как считается. И возвращается каждый раз ко мне! А ты вон, не прощающая наша, чего добила? Одиночества и больше ничего, так? Сейчас все гуляют, мир такой, время такое дурацкое, что же, всем поврозь теперь жить? Ты кого ни возьми, какую семью ни отследи, везде шашни были или будут на стороне. И что, разбегаться из-за этого? Может, тебе и нравится быть одной, а мне так нет! И потом... Я же очень люблю Мишаню!

– Я тоже любила Витю, – вяло огрызнулась Даша. – И знаешь, не столько противен факт измены, сколько вранье, которым этот самый факт обрастает.

– А ты бы не копалась, не допрашивала, и врать бы Витюне не пришлось.

– Оп-па! Я же еще и виновата! – Даша тогда оскорбилась. – Он кобелировал, а я виновата! Спасибо, Марин!

Подруга еще что-то говорила горячо и страстно, пытаясь оправдать себя, Витьку, Мишаню своего. Ссылалась на смутное время, на множество соблазнов, на привыкаемость и быт, снедающий чувства, Даша ее не слушала, собиралась домой.

– Ты как хочешь, я так жить не могу, – завершила она их тот вечер этой фразой, поцеловала подругу в лоб и отбыла к себе.

Маринка, почувствовав себя предательницей, потом долго заискивала перед подругой, к Мишане сделалась строже, и он даже поутих со своей пылкой пустой чувственностью. И тут вдруг, как снег на голову, соседка с пятым размером сисек и ногами от подмышек.

– Я же цивилизованная женщина, – окрепла голосом подруга, продолжая рассказ сегодняшним воскресным утром. – Я попросила Мишу представить нас друг другу. Мы потом вместе пили чай, ели мороженое.

– У вас дома или у нее?

– У нас, у нее, Миша сказал, все еще в коробках. Она толком переехать не успела.

– Ага! Здорово! – тут же начала злиться Даша. – Три минуты знакомства, и ты тащишь в дом не пойми кого, красота!!! И чем же закончилось чаепитие? Втроем в койку не легли?

– Нет, – виноватым голосом произнесла Марина и снова всхлипнула. – Он пошел ее проводить и вернулся домой через час с довольной мордой.

– Маринка! – повысила голос Даша до крика. – Ты совсем дура, да?! Почему ты не пошла и не вытащила его оттуда?! Почему ждала дома под дверью?!

– Я на диване сидела, – поправила та ее.

– Слава богу, что не клубочком свернулась на коврике под ее дверью! Ладно, мы все это уже проходили. Чего теперь-то ревешь?

– Я... Я с ним пыталась говорить, а он...

– Ну!

– А он озверел вдруг и как заорет на меня: не суйся, говорит, не в свое дело! Такое впервые, Данечка! Впервые!!!

– Я тебя предупреждала, – нравоучительно вставила Даша. – Бросай все и приезжай ко мне, рванем за город, мяса пожарим, выкупаемся в реке, позагораем, а, что скажешь?

– Он собирается сейчас с ней по магазинам. Говорит, она просила ей помочь с покупками к новоселью. А меня... Меня не берут, Даня!!! – Маринка разревелась в голос, еле успевая вставлять: – Я... Я, конечно, понимаю все! Она такая красотка... Но он-то мог бы и помягче, а он... Это впервые, Даня! А вдруг... Вдруг он уйдет от меня к ней, что мне делать?! Что?!

Подруга Дашу совсем не слушала, пропустила мимо ушей предложение выехать за город и отвлечься хоть как-то. Слышала только себя, свое горе и смаковала его, изливая словами и слезами. Это нервировало.

– Что мне делать, Данечка, если он станет перетаскивать вещи из нашей квартиры в ее, что?! – ныла Маринка.

– Возьми и убей его! – рывкнула она и, прежде чем отключиться, добавила: – На твоём месте я бы так и сделала!..

Глава 2

До того самого дня беды оставалась всего неделя, когда Маринка снова позвонила ей в слезах. С памятного воскресного утра она больше ей не звонила. Даша тоже закрутилась, свалилось сразу несколько дел, что были на контроле у начальства и в прокуратуре, работать приходилось до посинения, спать по четыре часа. Все злились, раздражались по пустякам, орали друг на друга без видимой причины и работали, работали, работали. В глазах темнело от букв протоколов, от лиц фигурантов, от кофе, которым накачивались литрами.

– Ваня, так нельзя, понимаешь!!! – кричала она, стоя над своим помощником, повесившим голову. – Вот ты проболтался подозреваемому и тем самым дал ему шанс выкрутиться. Следи за базаром, как наши с тобой подопечные любят выражаться! Ты понял меня, нет?!

Тот кивнул осторожно.

– Если понял, то какого черта с утра опять тот же прокол?!

Еле успела дух перевести, как в кабинет ворвалась Неля.

– Приветтики, чего орем? – встала она у двери в коротенькой юбочке и прозрачной распашонке, будто не на работу собиралась поутру, а на пляж. – Чего, Ванюша, снова язык твой – враг твой, да?

Тот покраснел, на Нелю даже не глянув.

– Чего зашла-то! – шутливо ткнула она Дашу в плечо кулачком. – Слыхала, красавчик-то твой женится?

– Какой красавчик? – не сразу поняла ее Даша.

– Как какой? – погрозила ей пальчиком Неля. – Захар Баскаков женится! Весь город на ушах! Говорят, дама аж из Америки прикатила! Говорят, такая красотка!

– Кто говорит? – надменно поинтересовалась Даша, не понимая, почему это должно ее волновать и почему Неля пришла сообщить обо всем именно им, хотя, с другой стороны, эта пустышка могла обежать уже все кабинеты.

– Мужики все говорят! Говорят, такая красивая стервозная сука!..

Левый висок тут же отозвался неприятной ноющей болью.

Ага! Нашел, стало быть, господин Баскаков свою мечту!

Она – Даша – для него красивая, стареющая сука. А американка красивая стервозная сука. Уж у нее-то либидо вряд ли скукожено. У нее с ним должно быть все в порядке! Агрессивным оно у нее должно быть, неутомимым и ненасытным. Это у Даши оно скукожено...

– Все??? – вдруг заорала она на Нелю, позабыв о ее влиятельной родне. – Если все, то ступай и не мешай нам работать!

Странно, но та не обиделась. Захихикала, погрозила пальчиком и мурлыкнула, прежде чем уйти:

– Я же говорила, что ты к нему неровно дышишь. Говорила, говорила! Я редко когда ошибаюсь!

И стоило за ней затвориться двери, как позвонила Маринка. Давно не звонила, очень давно, а тут вдруг в разгар рабочего дня и снова в слезах.

– Данечка, он заговорил о разводе, – произнесла она через силу. – Ты была права, он заговорил о разводе! Что мне делать, скажи, Данечка?!

Ох, не ко времени позвонила подруга, ох, не в добрый час! Она же не знала, что левый висок у Полукаровой Дарьи Дмитриевны вздулся синей веной и колотило туда без устали: «Вы красивая, стареющая сука... Вы красивая, стареющая сука...»

Тут еще Нелькино догадливое хихиканье, мурлыкание, Ванькино понимающее сопение, сочувствующий взгляд. Провалилось бы все!

– Данечка, что мне делать, он собрался переезжать к ней!!! Как я стану жить, зная, что он за стенкой с ней, а-ааа... – выла с надрывом подруга прямо в самое ухо.

– Я уже говорила тебе! – заорала Даша бешеным не своим голосом. – Если не можешь забить на него, то убей!!!

Голос Маринки тут же прервался тишиной, отключилась, стало быть. Ванина голова ушла по уши в плечи, а Даша выскочила из кабинета и едва не бегом рванула к туалету.

Там, пустив ледяную воду и опершись ладонями в края раковины, она уставилась на себя в зеркало и минуты три рассматривала неузнающим взглядом.

Господи! Что с ней?! Почему она так взбесилась, услышав, что Баскаков женится на красивой стервозной суке из Америки?! Вспомнились его обидные слова? Собственный испуг? Или то, что в последнее время не проходило и дня, чтобы она не вспомнила о нем, лазая по собственным шкафам и ощупывая шторы?

На Маринку наорала, а у нее горе. Настоящее большое горе, а она наорала на нее. Человек к ней за советом, а она...

– Сошла с ума, – пожаловалась с горечью своему отражению в зеркале Даша. – Ты, дамочка, совсем сошла с ума. Он думать о тебе забыл, а ты ищешь его по шкафам и под кроватью.

Вспомнив про кровать, Даша покраснела и тут же сунула лицо под воду.

Недавно этот мерзавец приснился ей. И приснился так, что она проснулась от собственного стога и тут же принялась шарить рукой по соседней подушке. Потом, полностью очнувшись, устыдилась. А после и рассмеялась в полный голос, невзирая на третий час ночи.

Знал бы господин Баскаков, что они вдвоем вытворяли в Дашином сне, не уличал бы ее либидо в никчемности.

А теперь он женится на американке. И сну этому никогда не стать вещим. И даже не по причине его женитьбы, а по причине того, что он Дашу ненавидит и будет ненавидеть ровно столько времени, пока не увидит ее поверженной...

– Марин, ты прости меня, – взмолилась она, перезвонив подруге часа через два. – Умоляю, прости!

– У тебя что-то случилось? – поинтересовалась та бесцветным чужим голосом. – Ты была сама не своя.

– И да и нет.

– И что да, а что нет? – В голосе подруги появилось участие, потому, наверное, что Даша крайне редко жаловалась на жизнь, все больше подругу слушала. – Ты говори, говори, может, своими неприятностями меня от моих отвлечешь. Брошусь тебе помогать, и все такое.

– Нет, Марин.

Даша выдохнула струю дыма в открытую форточку. Курила она тайком от Ваньки, пообещав тому месяцев десять назад бросить. Сейчас тот был уже дома, Даша отпустила его пораньше, вот и отрывалась на полную катушку, выкурив подряд уже три сигареты. Но дымила из осторожности все же на улицу. Не очень-то приятно было ронять себя в его глазах, обещала же.

– Что «нет»? – переспросила терпеливая и на все ее горести согласная подруга. – Что «нет»? Давай говори, вместе подумаем, глядишь, и помогу тебе.

– Ты мне не помощник в этом деле, – ухмыльнулась Даша с горечью.

– В каком?

– Да я... Да я и сама не знаю! – вдруг призналась она. – Режет какое-то бешенство, а причины понять не могу.

– И? По причине чего бешенство-то? Или...

Впервые у той в голосе проснулся слабенький, но все же интерес. Какой-то проблеск оживления. И Даше вдруг не захотелось студить его, захотелось подогреть, распалить изо всех сил.

И она взяла и рассказала ей все. О том повисшем деле с убийством семьи конкурента Баскакова. О том, как долго и мучительно они с Ванькой собирали доказательства его вины, да так и утерлись. О встрече злополучной на курорте тоже рассказать пришлось, потому что Марина без конца понукала ее и все заставляла и заставляла говорить дальше. И даже про Мишаню своего забыла и про скотство его с соседкой, настолько ее увлек рассказ Даши.

Увлек и растревожил одновременно.

– Ты хотя бы понимаешь, насколько серьезны могут быть его угрозы?! – подвела Марина черту под ее рассказом. – Почему ты никому ничего не рассказала, Данечка?!

– Кому? О чем? О пятне от мороженого на сарафане?

– При чем тут сарафан и мороженое?! – возмутилась подруга Лихая. – Он стопроцентно тебе угрожал. И ты перепугалась, это очевидно.

– Да ладно, – проямлила Даша неуверенно.

– «Да ладно»! – передразнила Марина ее. – С какой тогда стати шарить по шкафам и под кроватью, когда возвращаешься? Почему вечерами не ходишь одна? Когда это ты боялась?! А теперь что?

– Что?

– Теперь он загнал тебя в угол!

– Думаешь?

Даша досадливо закусилла нижнюю губу, уже пожалев, что так разоткровенничалась. Была бы та досада и страхи с ней один на один, а теперь вон еще и Маринка станет квохтать. Сейчас про то, чтобы организовать ей круглосуточную охрану, начнет вопить.

Так и случилось.

– Ты должна все рассказать Ване, – сурово потребовала она и тут же пригрозила: – Не расскажешь ты, расскажу я!

– Только попробуй! – перепугалась Даша.

Ваньке только скажи, он в ее подъезд переселится. Поставит под дверь коробку из-под холодильника, застелет ее внутри тряпками и станет там жить-поживать, охраняя мир и покой любимой напарницы, начальницы, коллеги.

– Нет!!! Не смей!!! – добавила она тут же. – Нет у меня никаких страхов, а бешусь я, скорее всего, из-за того...

Она запнулась. Говорить дальше совсем не хотелось. А Маринка снова начала торопить. И пришлось ляпнуть:

– Из-за того, что он женится!

– Оп-па!!! – ахнула Марина и на минуту умолкла, слышно было лишь ее шумное дыхание.

А раз она так дышала, значит, о чем-то напряженно размышляла, и за размышлениями следовал непереносимый вывод. На них она была горазда.

Не подвела и теперь.

– Ты что же, Дарь Дмитриевна, влюбилась в него, что ли?

– Я? – на возмущение сил не было, пришлось похихикать. – Ерунду не городи.

– Ничего не ерунда, – отмахнулась от ее неубедительной веселости подруга. – Стала бы ты злиться на глупые слова какого-то мужика, проходившего тем более у тебя по делу подозреваемым, если бы тот мужик был тебе безразличен. Нет, милая, я все еще помню твою злость на Витьку. Помню! Тогда ты вот так же, когда еще любила его, наливалась, наливалась, кипела тихонько в одиночестве, кипела, а потом – бац!!!

– Что бац-то?

Даша вдруг почувствовала, что не может стоять возле распахнутого окна. Не потому, что курить расхотелось, и с улицы, как из домны, пыхало жаром, и листья на липе казались махровыми от пыли, а потому, что ноги мгновенно перестали держать и слушаться.

А что, если Маринка права и она действительно неравнодушна к Баскакову? Что, если ее самообман, в который она удобно паковалась до сего дня, очевиден для всех остальных, а? И Нелька вон безобразно хихикает и намекает, намекает. И Ванька догадливо отворачивается. А Марина так вообще озвучила все за остальных.

– Срывалась, вот что, – ответила Марина на вопрос, который Даша давно забыла.

Сил не было даже на то, чтобы помнить и это еще. Все как-то непривычно и неприятно ворочалось в груди, набухало, подкатывало к горлу, потом ухало со свистом вниз.

Она влюблена в Захара Баскакова?! Она влюбилась в него? И когда? Еще тогда, когда он входил в ее кабинет в сопровождении адвоката? Или тогда, когда его уже сопровождал охранник? Или, может, тогда, когда он стоял плотно за ее спиной, и дышал ей в ухо горячо, и говорил что-то свистящим тревожным шепотом? А может, она прониклась к нему чувствами, когда он принялся унижать ее, растаптывать ее женскую сущность, угрожать, утюжа ее голую коленку своей пыльной подошвой?

Нет!!! Да нет же! Такого не может быть!

– Может, и есть, – печально изрекла Марина и снова всхлипнула. – Тебя-то за что так угораздило, милая? Ладно меня, я убогая, все этому козлу потакала, все позволяла унижать себя, забыла о достоинстве совсем... А тебе-то за что такой крест, Данечка?!

– Какой? – тупо переспросила Даша и передернулась от крупных мурашек, прострочивших кожу. – Какой крест, Марин? О чем ты? Все ты выдумала и...

– Нет, милая, я знаю тебя лучше тебя самой, – перебила ее подруга. – Ты любишь его. Оттого и забыть не можешь, оттого и по шкафам каждый вечер лазишь, думаешь, он там прячется. Боялась бы по-настоящему, давно бы сопровождающий рядом шел, Ванька вон, например. А теперь он женится, и ты изменить ничего не можешь. И понимаешь, что ничего изменить нельзя и что ничего нет и быть не может, а все же, а вдруг...

– Марина! – взмолилась Даша, устав слушать и ее, и себя, отзывающуюся на каждое слово подруги молчаливым кивком. – Все! Хватит!!!

– Ну, хватит так хватит, – быстро согласилась та. – Я чего тебе звонила-то днем, Данечка... Ты когда домой собираешься?

– Я? – Даша глянула на часы, домой давно пора было. – Уже выхожу, а что? Заехать за тобой?

Маринкина клиника была ей по дороге, и она нередко забирала подругу и доставляла домой.

– За мной не надо, у меня ночная смена, во-первых, а во-вторых, сейчас две внеплановые операции. Один пациент тяжелый, второй средней тяжести. Стоять часа четыре как минимум. Я попросить хотела...

– Ну! – подстегнула ее Даша, хватая сумку со стола и направляясь к двери. – К Мишке, что ли, заехать? И поговорить с ним?

– Да! – выдохнула та с облегчением, не зная, как половчее подступиться к ней с такой деликатной просьбой. – Поможешь?

– Только я ведь церемониться с ним не стану, Марин.

– И не надо!

– И выражения не буду подбирать.

– Валяй!

– А могу и в зубы дать, – шла по нарастающей Даша и, торопливо отметившись в журнале в дежурке, выбежала на улицу. – Если выведет!

– Согласна! Ты – моя последняя надежда! Меня он уже не слушает.

– Козел! – скрипнула зубами Дарья Дмитриевна, на время позабыв, что, возможно, влюблена куда в большего мерзавца, если вообще не в убийцу.

– Согласна! Только обязательно поезжай к нам сейчас, Данечка. Завтра может быть уже поздно!..

Поздно оказалось уже сегодня.

Даша летела на крыльях праведного негодования, подгоняемая попутным ветром Маринкиного одобрения. Летела и не замечала ничего вокруг себя, потому и интуитивную подозрительность не услышала, и покалывание в левом виске проигнорировала. И даже то, что дверь квартиры ее друзей Лихих чуть приоткрыта, расценила не так, как надо.

– О, оборзел, гад! – прошипела сквозь зубы, хватаясь за дверную ручку и оттягивая дверь на себя. – Они уже из хаты в хату мечутся и не запираются даже. А зачем? От кого? Ну, щас он у меня получит!..

Получил не он, получила она. Сильный удар сзади и чуть сбоку слева обрушился на нее с явным запозданием. Она успела увидеть и молниеносно оценить картину происшествия в доме ее друзей.

Мишка мертв – к гадалке не ходи. Огнестрельное ранение прямо в сердце. Скорее всего, умер мгновенно и!..

Все, потом ее отключили.

Глава 3

– У нас достаточно улики, чтобы не выпускать вас до суда, Дарья Дмитриевна.

Следователь службы собственной безопасности Лариса Ивановна смотрела на Дашу с совершенно бесстрастным видом. Ни сочувствия, ни симпатии, ни порицания – ничего. Восковое некрасивое лицо молодой еще женщины. Интересно, как у нее обстоят дела с личной жизнью? Ее сексуальная сущность тоже скукожена или как? Что бы господин Баскаков сказал в этой связи?

У-у, Баскаков! У-у, сволочь, гадина подколодная! Нашел все же способ и возможность отомстить ей. Сам, интересно, Мишку убивал или наемника использовал? Вряд ли сам. У самого наверняка стопроцентное алиби. Где-нибудь светился перед всем городским бомондом своим совершенным телом и лицом, пока она к друзьям шлепала по Маринкиной наводке.

Глупо как подумала, да? По Маринкиной наводке...

Что же, подруга в стовор с Баскаковым вступила, чтобы и денег заработать, и от поганца мужа избавиться? Да бред! Не могла она! И Баскакова этого не знала, услышала лишь от Даши о нем, и все.

И все?..

– Ситуация отвратительная, Дарья Дмитриевна, неужели вы этого не понимаете?! – повысила голос некрасивая Лариса Ивановна. – Вас могут привлечь к ответственности за убийство! Вы это понимаете?!

– Не могут, – упрямо тряхнула головой Даша и потерла указательным пальцем левый висок.

– Почему это? – вытаращила на нее Лариса Ивановна водянистые невыразительные глаза, весьма подходящие к ее некрасивому лицу. – Что заставляет вас думать, что вам удастся уйти от ответственности?!

– Первое... – Даша подняла правую руку с загнутым мизинцем, привычка у нее была такая – начинать отсчет с мизинца. – Первое – на моих руках нет следов пороха. Второе – в тот момент, когда я вошла, Мишка был уже мертв по меньшей мере час.

– Откуда такая уверенность? – фыркнула со злостью Лариса Ивановна.

– Оттуда, уважаемая Лариса Ивановна, что я работаю в милиции уже пятнадцать лет и насмотрелась на покойников, тьфу-тьфу их, и могу уже по виду крови на полу различить, когда приблизительно она пролилась – только что, или часом раньше, или вчерашним днем. А также могу различать по трупному запаху или рвотной массе, когда...

– Достаточно! – перебила ее с перекошенным лицом Лариса Ивановна. – Профессионалка она, понимаешь! Что же попалась, как кур в ошип, а? Чего полезла туда? Если дверь была открыта, чего поперлась, а?

– Третье... – перебила ее Даша. – Мишкино пулевое ранение, скорее всего, свидетельствует о мгновенной его смерти, посему исключается возможность нанесения им удара мне по голове. Вы ведь такую версию выдвигаете вместе с прокурорскими, так?

Про их версию ей все рассказал Ванька, просочившийся к ней сквозь стены тюрьмы и многочисленную охрану путем должностного подкупа. Просочился он с горячей жареной картошкой, котлетами и мамиными пончиками с вишней. Смотрел на нее жалостливыми глазами, в которых нет-нет да и засверкает слеза. Все пытался поправить повязку на ее голове и талдычил без конца, что версия дутая, что трех дней не проживет. Что весь их отдел на Дашиной стороне, а Павел Степанович второй день ходит где-то по верхам и все хлопочет и хлопочет.

– А какая у вас версия, Дарья Дмитриевна? Кого вы считаете причастным к убийству мужа вашей подруги?

Некрасивое лицо Ларисы Ивановны паскудно сморщилось. Не иначе какой-то козырь имела в своей черной папке, которую поглаживала без конца короткими узловатыми пальцами. Чего-то недослышал и недосмотрел Ванька, пробравшийся к ней в застенки лазутчиком.

– Я не знаю всех материалов дела, чтобы выдвигать версии, – уклонилась она от прямого ответа. – Не знаю результатов экспертизы. Не видела орудия убийства.

– Не видела она! – разразилась злым неприятным хохотом следователь службы собственной безопасности. – Тебя с ним в руках обнаружили, милочка! Вот в ручках твоих он и покоился, когда милиция приехала по вызову соседей.

– Кто же из соседей вызвал милицию?

– Принципиально? – удивленно подняла отвратительно выщипанную бровь Лариса Ивановна.

Это было более чем принципиально. В тридцать восьмой жила Мишкина предполагаемая любовница, если, конечно, Маринка не сгущала краски и ничего не придумала про них.

Сквозанула же угрюмая мыслишка в Дашиных профессиональных мозгах про наводку относительно Маринки. Чем черт не шутит, так ведь?

С этим еще разбираться и разбираться предстоит. Только бы выбраться, только бы выйти...

Так, кто там еще из соседей имелся?

Первый этаж был занят под магазин. Двери замурованы, жильцов, стало быть, нет. Вход в магазин был с противоположной стороны от входа в подъезд дома.

Второй этаж занимали две семьи пенсионеров, они жили с мая по октябрь на дачах, летом их никогда не бывало.

На третьем этаже жили сами Лихие, тридцать восьмая квартира – соседняя – переходила из рук в руки, как вымпел. Четвертый и пятый этажи занимали приличные работающие люди, обычно возвращающиеся в свои квартиры ближе к десяти вечера. Значит, на момент совершения преступления их дома быть не могло. Перед подъездом тоже никто не сновал, когда она спешила в квартиру к друзьям.

И кто же вызвал милицию?

– Принципиально, – покивала Даша.

– Ну... Хотя я не обязана посвящать вас, в интересах следствия и все такое, но... Звонок на самом деле, по словам дежурного, был очень странным, – нехотя призналась Лариса Ивановна.

– То есть?

– Позвонил некто, явно трубку прикрывал чем-то, распознать поэтому было невозможно, кто звонит: мужчина, женщина, подросток, ребенок... Позвонил и порекомендовал наведаться по адресу такому-то в квартиру такую-то. Дежурный спрашивает: что случилось? А ему со смешком отвечают: много там интересного найдете.

– И все?

– И все! Дежурный даже не хотел записывать, да, на беду, начальство рядом с дежурной частью крутилось, пардон... – Лариса Ивановна в очередной раз погладила папку, потом резким движением распахнула ее и достала новехонькую пачечку сигареток. – Как вот тут бросить, ну как?! Курите?

– Курю, – жадно потянулась взглядом к пачке с сигаретами Даша. – Курю тайком от Ваньки.

– Ванька – это кто, сын?

– Ванька – это мой помощник.

– Это тот, который с котлетами к вам пробрался позавчера вечером?

– Откуда?! – вытаращилась Даша, с благодарностью принимая из рук Ларисы Ивановны сигарету.

– Мы тоже не просто так свой хлеб едим, – с усталым самодовольством хмыкнула та и с наслаждением закурила. – Как сладок запретный плод, а! Сама себе запрещаю, и оказывается, что сама себя обворовываю... Так кто мог убить мужа вашей подруги, Дарья Дмитриевна?

– Не знаю, – не совсем искренне призналась Даша, уводя взгляд от водянистых глаз Ларисы к тлеющему кончику сигареты. – Я вообще не знаю, были ли у него враги, друзья. Нигде не работал, торчал будто бы все время дома за компьютером. Лазил по паутине, какие-то даже деньги зарабатывал. Ничего об этом не знаю, предупреждаю сразу. Поэтому не исключаю возможность шантажа с его стороны. Мог ведь куда-то просочиться во время своих многочасовых бдений за ящиком? Мишка, он был... как бы это поудачнее выразиться...

– Неблагополучный красавец? – подсказала Лариса Ивановна и попала в самую точку.

– Во-во! Нигде-то его не ценили, все-то к нему были несправедливы, судьба в том числе. Сидел у Маринки на шее, ноги свесив, и все равно ворчал.

– Знаю таких, – охотно поддакнула та. – Еще небось и изменял ей направо и налево, а она терпела и еще бы сто лет терпела, если бы его... Н-да... – Лариса Ивановна ткнула окурком в пепельницу, тут же полезла за следующей сигаретой и пробормотала вполне по человечески: – Даш, я-то знаю, что ты не могла его убить. Не в том смысле, что не смогла бы, а в том, что не стала бы делать это так бездарно. Ты же умница, каких поискать. Да и нестыковки эти всем в глаза лезут: отсутствие следов пороха, время смерти, невозможность совершения им нападения после выстрела... Все так, и отпущу тебя, конечно же, но протокол, сама понимаешь.

– Понимаю.

– Вот вынь да положь им твои внутренности препарированные! И ведь непременно меня надо было к тебе! Там молодых да рьяных знаешь сколько у нас, а они меня!

– Наверное, потому вас, что молодые и рьяные маму родную на нары сунут, лишь бы звезду на плечо схватить, – вполголоса проговорила Даша, взаимопонимание мало-помалу восстанавливалось. – А вы разберетесь.

– Я с первой минуты разобралась! – фыркнула та, роняя пепел на черную папку и стол. – Сразу сказала, что не ты... То есть не вы убили. Так нет же, проведите дознание и все такое! Ладно... Пропуск сейчас подпишу, и домой отправляйся, Дарья Дмитриевна.

– Спасибо!!!

Конечно, она знала, что справедливость восторжествует! Конечно, понимала, что профессионалу достаточно будет одного взгляда, чтобы разобраться, что это чистой воды подстава. Но все равно подрагивало внутри и в левый висок покалывало – а вдруг...

Вдруг кому-то очень надо ее посадить? И она даже знала – кому именно это нужно.

Что, если за ее несвободу бешеные деньги плачены и кто-то не смог от них отказаться? Что, если машину запустили на полную катушку и такие крохотные винтики, как ее помощник Ванька и начальник ОВД Павел Степанович, ничего не решают?

Что, если все так плохо и ей прямая дорога в тюрьму?! И никто и ничто уже не поможет. И адвоката подсунут никудышного, и судью продажного. Засудят на раз-два. Так уже бывало.

А в тюрьму не хотелось! Не только потому, что не за что было, а и потому, что она знала, как там. Была на допросах и просто с проверками, знала все и о быте, и о порядках, и о том, как это – небо в клеточку. И как шершава тюремная стена, тонок и хрусток матрас, непривычна и постна еда.

Не хотела она в тюрьму на долгие годы, ей нескольких дней хватило.

– Спасибо, Лариса Ивановна, – повторила она сдавленным голосом, и вдруг захотелось поплакать, еле сдержалась.

– Да мне-то за что, Даша! – Женщина подперла кулаком щеку, поставив локоток на стол. – Все, что от меня зависело, я сделала. Но хочу предупредить... На этом ведь все не закончится. Следствие продолжается, и, возможно, взгляды то и дело будут оборачиваться в вашу сторону.

– Понимаю...

– Это лишь часть неприятностей. Ведь ясно, что кто-то хотел вас подставить! Что-то подсказывает мне, что ждали именно вас. С момента выстрела до вашего там появления прошло часа полтора-два, что же, убийца сидел там и ждал, что ли? Мутно как-то, нехорошо. Ладно, разберетесь, вы девочка умная. Наверняка что-то знаете, но молчите. А оно и правильно, что молчите.

Это Лариса Ивановна уже скорее для себя бормотала, чем для Даши, которая с замиранием сердца наблюдала за тем, как та подписывает ей пропуск.

– Натяните мне с кисточкой, – нехотя улыбнулась она, протягивая бумагу Даше. – И не попадайся мне больше, идет?

– Постараюсь.

– Не постарайся, а не попадайся! – вдруг рявкнула та грубо и сердито, сузив водянистые невыразительные глаза. – Моя лояльность закончится так же внезапно, как и началась! С тобой еще твой шеф побеседует, надеюсь, но от себя лично настоятельно рекомендую: ищи убийцу и как можно скорее найди, иначе...

– ...Иначе нам тут разноса не избежать, Полукарова! – гневался Павел Степанович, вызвав ее следующим утром. – Напиши рапорт, я тебя по-человечески прошу! Не уйдешь сама, нас тут проверками засношают, Даш!!! Мне до пенсии полгода, наруют на тебя что-то и меня вместе с тобой под одну гребенку на улицу... Начнут чистить снизу доверху, это стопроцентно! Я и так зад свой подставлял, из кабинета в кабинет носился, чтобы тебя вытащить. Хорошо, удалось Лариску уговорить, если бы не она, а кто-то другой, все – не выпустили бы точно! Даш, ну что скажешь, а?

– Павел Степанович, но я ведь никого не убивала!!!

Больше она никаких доводов не нашла в споре с начальником. Да особо и не спорила, слушала просто, как он ее с нажимом уговаривает уволиться по собственному желанию, и глазами моргала.

Не такой встречи она ожидала в родном РОВД, совсем не такой. Ванька оказался в какой-то непонятной командировке. Нелька отвернулась, едва головой кивнув. А Павел Степанович ясно дал понять, что, если Даша не уволится по собственному желанию, она подставит всех сотрудников под долговременные всевозможные проверки и последующие за этим сокращения и увольнения. И...

И вообще, как человек чести, за оказанную ей услугу в виде долгожданной свободы она должна уволиться и не морочить никому голову.

– Я ведь не убивала!

– Знаю! Но это ничего не меняет.

– Как это?!

– А так! На месте преступления не я оказался оглушенным с орудием убийства в руках!

А кто?

– Я...

– Вот! А почему? Это что – случайность?

– Не знаю.

– Зато я знаю, что нет – не случайность! Это стопроцентная подстава. И подставить хотели тебя. А почему?

– Не знаю.

– Не знает она! Твое имя хотели осквернить! – бушевал начальник, но трусовато так, скорее из-за опасений выпустить кресло из-под задницы, чем о ее добром имени пекся. – Тебя хотели подставить под подозрение! И не волнует уже никого, что убила не ты. Волнует, что убили из-за тебя!

– Из-за меня???

Вот до этого она еще ни разу не додумалась, если честно. Много всего передумала, много народу в фигуранты записала мысленно, но вот про то, что Мишку могли убить только ради того, чтобы подставить именно ее...

Нет, такого она и в самом страшном сне увидеть не могла.

– Да-да, глаза не тараци, Полукарова! Из-за тебя и убили. Вели тебя, вели, значит... А потом и...

Павел Степанович окончательно запутался, потерял нить рассуждений, осерчал и начал двигать по столу бумаги, часть из них роняя на пол. Поднял одну, повертел в руках, оказалась чистой. Он тут же сунул ее прямо ей под локти и приказал:

– Пиши, Даш, пока меня инфаркт не хватил. Богом тебя прошу, избавь ты нас от геенны огненной...

Что ей оставалось? Написала рапорт об увольнении по собственному желанию задним числом, когда Мишка был еще жив. И когда Маринка еще не звонила ей и не просила о помощи.

Кстати, подруга так и не объявилась после ее ареста ни разу. Даша после освобождения пару раз позвонила ей на мобильный. Оба раза Марина оказалась вне зоны действия сети, она и забросила попытки. Но не насовсем, на время. Вопросов к подруге было множество. Главное было сформулировать их правильно. Чтобы, не дай бог, не обидеть или... не спугнуть.

Господина Баскакова еще ожидала встреча с Полукаровой Дарьей Дмитриевной. Он, правда, об этом пока не знал, но встреча должна была непременно состояться. Пускай у него скоро свадьба, пускай. И плевать ей на то, что возле него крутится шикарная стерва из Америки. Она непременно встретится с этим, с этим...

Слов для него у нее уже не хватало. Да их в русском языке уже не осталось, и ненормативная лексика истощилась. От того, сколько она о нем вспоминала, господин Баскаков должен был икать всю последнюю неделю не переставая.

Вот она и навестит его, чтобы и вопросы задать, и попутно от икоты избавиться.

– Икота, икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого... – пробормотала Даша, медленно спускаясь по лестнице отдела, в котором проработала больше пятнадцати лет.

А что, если Баскаков ни при чем? Что, если Мишка самостоятельно, без всякой помощи извне сумел влезть в какое-нибудь дерьмо и за это его уgomонили? Каким-то образом он зарабатывал какие-то деньги, не поднимая своей задницы со стула. Может, вскрыл какой-нибудь секретный файл и...

А Даша просто оказалась не в том месте, не в то время. А? Может такое быть?

Может, наверное, но...

Какого черта убийце торчать в квартире жертвы полтора или целых два часа? Ее, что ли, ждал? Или Маринку? Если Маринку, то убийца плохо знал семью Лихих. И не знал точно, когда жена убитого им Михаила вернется с работы. У нее же в тот день была ночная смена и одна или две внеплановые операции. Они могли продлиться бог знает сколько. И Марина запросто могла отпахать полторы смены. Значит...

Значит, убийца не был осведомлен о времени возвращения домой Марины. Он убил мужа и ждал жену. Но вместо нее пришла ее подруга. Знал он или нет Марину в лицо? Наверное, знал, если пощадил Дашу и не убил ее, а просто оглушил. А потом вложил в ее руки пистолет и...

Ерунда полная получается! Бред институтки!

Если убийца ждал Марину, чтобы убить ее, он бы ее непременно дождался и убил. А перед этим убил бы любопытную подругу, уложив ее рядышком с погибшим Мишкой. И уж точно он не стал бы оставлять дверь открытой.

Это главный аргумент против того, что убийца находился в квартире на момент появления там Даши.

Кто же тогда там был?! И кто позвонил в милицию?! И почему Марина до сих пор не объявилась? Думает, что это Даша убила ее мужа в пылу ссоры. Обещала же Даша смазать его по физиономии, если он выпендриваться станет. Не рассчитала сил и нервов и вместо этого пристрелила.

Нет, Марина так думать не могла, если, конечно, не свихнулась от горя по причине смерти любимого супруга. Каким бы козлом он ни был при жизни, она любила его, и очень любила. Где она тогда?

– Господи, дамочка, поезжай и узнай! – глянула на себя с неприязнью в автомобильное зеркало Даша. – Сидишь, гундосишь, строишь какие-то идиотские версии, вместо того чтобы начать делать хоть что-то.

Лариса Ивановна ясно дала понять: единственное, что способно помочь гражданке Полукаровой, – это ее самостоятельное и действенное расследование убийства Михаила Лихого. Она открытым текстом заявила, что если убийцу органы не найдут, то снова обратят все свое внимание на Дашу. И тогда уж...

– Принимайся за дело, – снова пробормотала она себе в зеркало, поправила волосы, которые забыла сегодня как следует причесать, не до того было, и поехала к Маринке домой.

Никого не было в тридцать седьмой квартире. Она долго звонила и стучала, никто не открыл. За дверью соседней тридцать восьмой тоже безмолвствовали. На втором этаже никого. На четвертом тоже. На пятом неожиданно дверь отворилась.

– Здравствуйте, – чуть склонила Даша голову перед полуголым толстым мужиком в коротких шортах и без майки, медленно и сосредоточенно жующим что-то. Подумав, полезла в сумку за удостоверением, которое еще не успела сдать, отобрали только табельное оружие. – Я...

– Да знаю, кто вы, – проговорил он неожиданно приятным, совсем не подходящим ему голосом и улыбнулся. – Вы подруга Марины Лихой. Я вас видел с ней неоднократно. И с Михаилом, покойным, тоже видел вас всех вместе. И знаю, что вы в органах работаете. Не ошибся?

– Нет. – Даша ответила ему осторожной улыбкой, опустила удостоверение обратно в сумку. – Вы не знаете, где Марина? Телефоны молчат: и мобильный, и городской. В квартире никого, стучала, стучала.

– Так она уехала, наверное. – Мужчина неожиданно застеснялся своей наготы, скользнул за дверь и прокричал оттуда: – Да вы проходите, проходите. Чего на пороге топтаться.

Даша перешагнула порог, вошла в большую прихожую. Осмотрелась. Хорошо в доме: чисто, просторно, мебель явно сделана на заказ.

– Вот... – выскочил из-за двери в гостиную мужчина в домашних брюках и легкой рубашке. – Уж извините за голое пузо, один дома, мои все на работе, жара, вот и расслабился. – Протянул ей широченную ладонь с растопыренными пальцами: – Станислав Сергеевич.

– Дарья Дмитриевна, – пожала она его руку. – Как вы правильно отметили, подруга Марины. Поговорим?

– Прошу!

Он повел ее в кухню, где так же легко и свободно дышалось. Усадил за большой круглый деревянный стол. Предложил кофе.

– Знаете, лучше чай, если можно, – попросила Даша.

Кофе она накачивалась всю минувшую ночь, чтобы не уснуть и все время думать. Нещадно дымила, сидя за столом перед окном в кухне. Пила кофе и творила зарисовки. Так она обычно называла свою писанину, когда работала над каким-нибудь делом.

– Чай так чай, – согласно закивал Станислав Сергеевич и шлепнул с грохотом чайник на электрическую дорогую плиту. – Я не видел вас на похоронах, Дарья Дмитриевна.

Даша занервничала.

Что, если он знает о том, что она содержалась под арестом в качестве подозреваемой, а? Что, если именно он и позвонил в милицию, прикрывая трубку кухонным полотенцем, к примеру? Она вот думала, что все с четвертого и пятого этажа на службе, а Станислав Сергеевич почему-то дома. Может, успел выйти на пенсию? Или в отпуске? Шел он, допустим, из магазина, увидел дверь квартиры Лихих приоткрытой. Заинтересованно сунул туда нос, а там...

А там много интересного! Так, кажется, сообщил дежурному неизвестный абонент.

– Я лежала в больнице, – соврала она, пристально глянув на Станислава Сергеевича. И продолжила уже правдиво: – На меня было совершено нападение. Пробили голову. Нашли меня в бессознательном состоянии.

– Ох-ох-ох! – заохал он с неподдельным испугом. Подсел к столу напротив Даши, глянул жалостливо. – Разве можно таким женщинам, как вы, работать в милиции?! Это же очень опасно!

– Каким женщинам, Станислав Сергеевич? – вздохнула Даша с горечью.

– Таким красивым, уж простите мне мой старческий комплимент, – он засмутился, полное лицо сделалось багровым. – Просто... Просто внучка моя мечтает о работе в милиции или прокуратуре. А ведь пигалица такая вот!

Он раздвинул большой и указательный пальцы сантиметра на три.

– Куда, говорю, тебе на борьбу с преступностью, если ты...

«Красивая стареющая сука», – тут же пробарабанило дробью в Дашин левый висок. Без личной жизни, теперь вот еще и без работы. И на борьбу с преступностью ее теперь не возьмут, к гадалке не ходи. Удалось бы избежать наказания за чужие действия, и то замечательно.

– Марина сильно по Михаилу убивалась, – вдруг совсем без перехода пробормотал Станислав Сергеевич. – Под руки ее подружки с работы держали и все время нашатырь под нос, нашатырь под нос. Мы тоже присутствовали.

– Вы – это кто?

Хоронили, стало быть, Мишку из этого дома, а не из морга. Марина, видимо, его оттуда забрала.

– Соседи... Вот собрались с четвертого и пятого этажей. Деньгами ей помогли немного, с поминками хлопотали.

– Спасибо, – рассеянно пробормотала она и устыдилась.

Ах, как все плохо, как отвратительно! Подруга тут мало что убивалась, наверняка еще и ее винила в своем горе. А ее не было рядом, не было! И рассказать ей она ни о чем не могла, и утешить! Отвратительная ситуация...

– А соседка Марины была? – вдруг вспомнила про намечающуюся разлучницу Даша, если, конечно, подруга не драматизировала излишне.

– Соседка Марины?! – вытаращился на нее Станислав Сергеевич, покрутил головой в растерянности, пожал плечами. – О какой такой соседке речь, Дашенька?

– Ну как же, в тридцать восьмую квартиру недавно въехала новая жилища.

– Нет! Нет же, говорю я вам! Никто туда не въезжал, – горячо опротестовал Станислав Сергеевич. – Я тут всю жизнь живу и всех в лицо знаю: и жильцов, и гостей их.

– Погодите, погодите, Станислав Сергеевич, – замотала она головой, сразу отозвалась боль в левом виске, настойчиво предлагая ей всерьез задуматься над тем, что он говорит. – Марина позвонила мне и...

– Когда? Когда позвонила? – кажется, Станислав Сергеевич был обескуражен не на шутку. – Что я мог пропустить?

– Позвонила она мне... Недели две назад приблизительно, – начала вспоминать Даша. – Сказала, что в тридцать восьмую квартиру въехала новая соседка. Очень красивая женщина, у нее, мол, шикарная машина. Марина сказала мне, что у соседки этой все вещи еще в короб-

ках по квартире стоят. И что Мишка, извините, Михаил проявлял всяческое внимание к этой молодой одинокой женщине.

– В смысле? – нехорошо прищурился Станислав Сергеевич.

– Ну... Вызывался помогать ей, сопровождать по магазинам. Соседка эта даже у них в гостях была, чаем Марина ее угощала.

Это было все, о чем знала Даша. Не упомянула лишь о размерах бюста жилички из тридцать восьмой, ногах от ушей, коже гладкой, без морщин, и то, что Мишаня перед своей гибелью заговорил с женой о разводе и переезде к новой соседке.

Больше информации у Даши на неведомую женщину не было.

Станислав Сергеевич тем временем поднялся из-за стола, как-то излишне раздраженно двинув добротным стулом по красивой плитке пола. Подошел к плите и, повернувшись к Даше спиной, принялся заваривать чай.

Он точно злится, решила она через минуту. С чего тогда так гремит посудой? Просыпал заварку на стол и, вместо того чтобы подобрать чайные крошки тряпкой, смахнул все на пол. Чашки едва не поколотил, доставая их из шкафа.

Она решила молчаливо дожидаться конца его непонятного гнева.

– Вот, угощайтесь, Дарья Дмитриевна, – предложил он, насупив брови, пододвинул к ней чашку с крепким горячим чаем.

– Спасибо, – едва успела она поблагодарить, как он заговорил снова, и заговорил без намека на любезность.

– И вот я вам что скажу, Дарья Дмитриевна... Нет и не было в тридцать восьмой квартире никакой красивой молодой дамы с шикарной машиной. Вас... Вас, видимо, ввели в заблуждение или...

– Кто ввел?! Марина?! – вытаращила она на него глаза. – Она единственная, кто говорил мне об этой женщине... И я прервала вас, простите. Или меня ввели в заблуждение, или что?

– Или вы врете!!! – выпалил он, отвернулся и, сев к ней боком, забубнил, забубнил: – Я знаю здесь всех! Если не поименно, то в лицо точно! Знаю, кто когда из дома выходит, кто когда возвращается! Я всю жизнь проработал охранником на спиртзаводе. У меня это уже в крови, и поделаться с этим ничего не могу. И вот я вам, Дарья Дмитриевна, с полной ответственностью заявляю, что после пожилой женщины в тридцать восьмой квартире не жил никто! Никто, вы понимаете?!

– Вы могли не заметить и не знать, – робко вставила она, начав побаиваться его сердитого норова.

И вообще откуда взялся этот Станислав Сергеевич? Видел он ее когда-то! Она вот его лично ни разу не встречала в этом доме.

– А я все знаю и все замечаю! – выпалил он, брызгая слюной. – Я уже два месяца на пенсии, и мне негде и не на ком применять свое профессиональное чутье и опыт, возвращенный годами!

– Только на соседях? – ухмыльнулась Даша.

Крепкий ароматный чай перестал нравиться, и сосед с пятого этажа перестал нравиться тоже, и в квартире его вдруг сделалось неуютно и трудно дышать.

– Да, на соседях, – проговорил он чуть тише, но все еще с вызовом. – А чем еще заниматься пенсионеру? Ходить раз в месяц в банк за пенсией, наблюдать людей и их привычки, раз занимался этим всю сознательную жизнь. Спать, есть, смотреть телевизор.

– У вас же семья, – напомнила Даша.

– И что семья? Являются вечером все злые, уставшие, голодные. Пока ужинают, все излаются. Им до меня и моих наблюдений дела нет.

И вдруг она поняла, что ему очень одиноко – этому грузному стареющему человеку, которого наверняка сократили из-за молодой мускулистой смены, только и умеющей, что раз-

гадывать кроссворды. И он рад был ее визиту. И осердился только из-за того, что и в ней не нашел понимания. И ей нет дела, понял он, до его наблюдений.

Так, минуточку...

– Мне очень важно знать, Станислав Сергеевич, – произнесла Даша минуту спустя примирительно.

– Что важно? – Он все еще не поворачивался к ней, но толстый подбородок предательски задрожал.

– Важно знать, что и кого вы видели в дни, предшествующие убийству Михаила, и в тот самый день, когда его убили. Вы помните?

– Да, Даша, я помню день, когда убили Михаила. И помню, кого я видел в тот день и вечер. – И он как-то странно глянул на нее, снова развернувшись в ее сторону. – Я видел вас, Даша...

Глава 4

Никогда еще она не была в таком тупике, в который ее усиленно загоняли люди. И люди, очень близкие ей!

Марина, Марина, Марина...

Где ты?! Куда подевалась?! Сбежала, чтобы не отвечать на вопросы?! Со следствием разобралась, а с подружкой разбираться нет резона, так? Еще хорошо, что знакомый из убойного отдела немного подлил информации, невзирая на ее статус уволенной сотрудницы.

– Даш, ты не очень-то переживай из-за своего увольнения, – попытался он ее утешить в самом начале беседы, когда она заехала к нему поговорить. – Могло быть и хуже.

– То есть?! – сразу напряглась Даша.

– Могли и не выпустить до суда, – и опер многозначительно поиграл бровями. – Так что не гневи бога, Даш. И молись, что так все вышло.

– Молюсь, – кисло улыбнулась она. – Что известно по материалам дела? Понимаю, что всего не можешь, хотя бы вкратце, а?

Вкратце вырисовывалось такое, что Дашу едва не стошнило от головной боли, сдавившей череп с невероятной силой.

Оказалось, что никто в тридцать восьмой квартире и в самом деле не проживал уже два месяца как минимум. Последней там жила та самая старушка, что развела тараканов и мышей. Никто не видел, не слышал и знать не знал ни о какой красотке, раскатывающей на шикарной машине. Риелторы, кому принадлежала эта квартира, пожали плечами и пошутили, порекомендовав обратиться к экстрасенсам, занимающимся привидениями.

Дальше – больше!

В день убийства своего мужа Марина Лихая не работала ни в первую, ни во вторую смену, она не работала в тот день вовсе, взяв отгул. Никаких внеплановых операций не было в тот день в их отделении, все по плану. Но у Марины имеется алиби, она в тот день ездила к родителям своего мужа за черной смородиной, с ведром которой и явилась тогда, когда раненую Дашу уже увезли на «Скорой».

– Господи, что происходит??? – обхватила голову Даша, глядя на опера затравленным полубезумным взглядом. – Она же сама звонила мне, понимаешь?! Это легко проверить! Достаточно получить распечатку с моего мобильного и с ее и...

– Думаешь, нам это нужно? – совершенно искренне вытаращился на нее опер.

– Что нужно?

– Отмазывать тебя подобным образом нам нужно? Существует официальная и единственная версия...

И вот тут он запнулся. Нехорошо запнулся, со значением. И начал елозить тощей задницей по казенному стулу. И Даша, давно научившаяся читать и распознавать взгляды, жесты, читать между строк, поняла все или почти все.

– Что на меня у вас есть, прошу, не молчи!!!

– На тебя – ничего! Придумаешь тоже! – замахал он на нее руками и нехотя полез в сейф.

Рылся там бесконечно долго, чем-то шурша, тихонько матерясь и перекладывая что-то с места на место. Наконец нашел. Выложил перед ней на столе с десяток фотографий, при взгляде на которые ей сделалось еще хуже, хотя куда уж и так!

– Откуда??? – просипела Даша, перебирая в руках снимки. – Господи!!! Это ведь совсем не то, что все подумали и...

– А откуда ты знаешь, что все подумали, а, Даш? – Опер отобрал фотографии, снова вернул их в сейф. – Нет никакой симпатии на этих фотографиях. Ясно как божий день, что этот

господин тебе угрожает. Вот даже слезы твои видны отчетливо. Так что... Благодаря нашему анониму ты вне подозрений.

– Анониму?! Хочешь сказать, что их прислали анонимно?

– Именно! Видимо, за Баскаковым следить не переставали. Уж не знаю, наши ли, спецслужбы, хотя от этих помощи не жди. Его ли враги, но... Но всем ясно, что история с тобой – его рук дело, Даш. Можешь спать спокойно, не рыться в мотивах поведения своей подруги, уж не знаю, что там на нее нашло, когда она послала тебя к своему мужу. Хотя... – Он вдруг задумчиво потер подбородок и глянул куда-то вдаль поверх Дашиной головы, сквозь стекло и сквозь толщу пространства, заполненного пыльными, изнывающими от жары деревьями. – Откуда гарантия, что это именно она звонила тебе, а, Даш? Сейчас ведь печи так голос на хорошей аппаратуре разложат, что собственную маму от чужой тети не отличишь. Точно!!! Вон оно как, Дарь Дмитриевна...

Порог собственной квартиры Даша еле перешагнула. Голова болела так, что запросто позволила бы кому-нибудь ее отвернуть. Заперлась на все три имеющихся замка. Разделась догола прямо у порога в прихожей и поплелась в ванную.

Горячая вода, потом ледяная, снова горячая и опять ледяная...

Она простояла под контрастным душем почти полчаса. Старалась вообще ни о чем не думать, чтобы не сойти с ума раньше того, как начнет хоть что-то соображать. Выбралась, замотавшись в полотенце, из ванной, прошла сначала в кухню. Постояла возле холодильника, тупо рассматривая полки. Поняла, что есть не хочет, захлопнула его, повернулась, чтобы идти в спальню. И тут же завизжала страшно и пронзительно.

– Ты что здесь делаешь, скотина??? – еле протолкнула она вопрос сквозь сорванное от крика горло. – Я могла бы убить тебя!

– Тебе не привыкать, – фыркнул ее бывший. – Слышал, слышал, милая, как и чем ты тут без меня теперь промышляешь.

Стоял он сейчас в своей любимой позе – привалившись плечом к косяку двери, на одной ноге, вторая крестом на колене первой. Поза была очень уязвимой и неустойчивой. Достаточно одной подсечки, чтобы свалить его на пол. Чтобы сделать ему больно, как он только что сделал ей.

Даша не утерпела.

– Говоришь, мне не привыкать!!! – Она оседлала его, повалив, надавила локтем на кадык. – А почему нет? Мне удалось выйти сухой из воды, удастся и сейчас.

– К-каким образом?!

Виктор сильно ударился головой, когда она его свалила. Физической боли он не переносил, она приводила его в ярость.

Сейчас ему было больно, очень больно, а еще ему стало страшно. Страх тоже выводил его из себя. Он часто говорил, что нужно стремиться жить без боли и страха, без этого человеку очень удобно и не так унижительно жить.

А униженным Витя чувствовать себя не хотел. Сейчас его унизили.

Она понимала это по его судорожно подрагивающим губам, которые любила когда-то целовать. По мечущимся глазам, от которых тоже млела прежде.

– Боишься меня, гад? – спросила она, сильно склоняясь над ним и совсем не заботясь, что полотенце с нее давно сползло и валялось на полу. – Правильно, бойся! Выкину тебя с балкона и скажу, что так и было! Что муж мой не выдержал позора за жену и выбросился из окна.

– Я бывший! Бывший муж! – поспешил напомнить Виктор визгливым перепуганным тенорком. – С какой стати мне из-за тебя выбрасываться из окна?! Это у тебя не прокатит, психопатка!!!

Даша резко отшатнулась и, схватив полотенце и кое-как им прикрывшись, отползла на коленках к стене. Виктор отполз к стене напротив. Сел в той же позе, что и она, – подтянув колени ближе к подбородку, спросил:

– Что, Даш, все так плохо?

Она бы, может, и поверила ему, и поспешила бы утешиться на его сильном, крепком плече – получалось же раньше, целых шесть лет получалось, – если бы не его страх, в момент которого он ее буквально ненавидел. Пускай коротенькое мгновение, но ненавидел же.

– Не твое дело, – огрызнулась она и поняла, что сил собачиться с бывшим у нее просто нет.

Их не осталось после откровений Станислава Сергеевича, жильца с пятого этажа того подъезда, где жила Марина Лихая – ее подруга, которая все запутала и которая безбожно врала ей.

Их не осталось после разговора с бывшим коллегой, сообщившим ей, что ее подруга тут совсем ни при чем, что все дело в Баскакове, который всеми силами стремился ей отомстить, и вот он случай – представился. И он даже выдвинул предположение, снимающее все подозрения с Марины, что это будто бы не она звонила Даше, а кто-то с помощью имитирующего голос спецоборудования.

Даша же знала, что никакой имитации не было. Она говорила с Маринкой и только с ней. Никто не смог бы подделать интонации, свойственные ее подруге. Никто не сумел бы назвать ее так Данечкой, никто! Так могла назвать ее только Марина и только вживую.

Добраться бы до нее, поговорить, а если потребуется – вытрясти из нее всю правду. Но не получится. Марина, со слов все того же опера, после похорон мужа обосновалась в доме его родителей. Туда Даше и соваться не стоило. Те наверняка никого, кроме нее, в смерти сына Мишани не винили.

– Витя, зачем ты здесь? Как ты вошел? – Даша попыталась встать, но ноги неожиданно разъехались в разные стороны на глянцевой плитке кухни.

– У меня же ключи остались, – удивленно вытаращил на нее бывший супруг потрясающе прекрасные глаза, которые, как она утопически верила прежде, не способны были лгать. – Я оставил тебе все, кроме запасного комплекта ключей. Ты что, забыла?

Она не помнила. Она его сумки не перетрясала: не забрал ли он чего лишнего. Виктор собрался и ушел, когда она ему указала на дверь. Какое-то время вел себя тихо и мирно, не напоминая о себе, потом периодически скребыхал в дверь в надежде, что она передумает и пустит его обратно.

– Ты никогда прежде не открывал запасными ключами мою дверь, – сделала она нажим на слове «мою». – Что произошло? Надеялся не застать меня дома? Хотел порыться в шкафах?

– Фи, как противно, – скорчил он симпатичную гримаску, к слову, его совершенное лицо не портило даже кривлянье. – Нет, я не рылся в шкафах, милая. Я терпеливо ждал твоего возвращения. Пил кофе и ждал.

– Ты пил мой кофе?! – попыталась изобразить она гнев, но и на это сил не было.

Суметь бы подняться с пола, не век же так сидеть – с разъехавшимися в разные стороны ногами. Начнешь подниматься, полотенцем не прикрывшись, а с чего-то вдруг сделалось неловко за свою наготу. Может, потому, что он, несколько справившись со страхами и болью, начал смотреть на нее иначе.

А как? А с требовательной жадностью начал смотреть на нее бывший муж Виктор. Так обычно он смотрел на нее раньше, когда пытался затащить ее в постель.

– Давай я помогу. – Он встал и подошел к ней. – Чего ты, Даш, совсем обессилела, да? Ярмо сильной и несгибаемой женщины оказалось тяжелым даже для тебя, н-да, бедная моя...

Она не смогла встать, и ему пришлось брать ее на руки. И он напрямик потащил ее в спальню. Привычно разложил на кровати, как это делал всегда. И так же, как прежде, начал исследовать ее всю своим жадным наглым ртом.

– Виктор, прекрати, – застонала она, но скорее от стыда за себя, чем от удовольствия. – Что ты делаешь?!

– Люблю свою жену, – с торопливым придыханием объяснился он и начал подминать ее под себя.

– Сам только что говорил, что мы бывшие! Бывшие, понимаешь?!

– Для того чтобы сбросить меня безнаказанно с балкона, мы бывшие муж и жена. А безнаказанно любить тебя я имею полное право...

Все длилось бесконечно долго. Было душно, жарко, стыдно и за слабость свою, и за похоть, разбуженную чужими уже губами и руками. И первое, что всплыло в памяти, когда все закончилось, – это оскорбительное заявление о ее скукоженном либидо.

– Как он смел? – еле шевеля губами, прошептала она, почти не слыша сама себя. – Какое имел право?!

– Что? – Виктор еле шевельнул пальцами, касаясь ее вспотевшего лба. Понял все, как всегда, по-своему и проговорил со смешком: – Ты супер, детка!!! Ты всегда была супер!!! Ни одна женщина не сравнится с тобой, ни одна!!!

А та, из Америки – молодая, красивая, самоуверенная стерва, которая собирается замуж за Баскакова Захара Валентиновича, может с ней сравниться? Или нет?! И знает ли она, какой тяжкий груз взвалит на свои плечи, выйдя за него замуж? Ей ведь придется его ждать из тюрьмы долгие годы, если следственным органам удастся доказать его причастность к убийству Михаила Лихого и нападению на нее – Дарью Дмитриевну Полукарову. Будет она ждать его так долго? И что станет с ее либидо в период ожидания, с ее красотой что станет? Превратится ли она в красивую стареющую стерву без него, страдающую от одиночества, или найдет, чем и кем себя утешить?

– Ты плачешь? Даша, господи, когда ты в последний раз плакала?! – невзирая на томную усталость, Виктор резко сел на постели. – Я не припомню, чтобы видел тебя плачущей, детка.

Зато Баскаков Захар Валентинович видел! Мало того, ему двумя фразами удалось заставить ее заплакать. Сейчас же сгодились и воспоминания.

Неужели Марина права, и она влюбилась в человека, которого ей не удалось привлечь к суду и который теперь делает все, чтобы привлечь к суду ее?! Неужели такое возможно вообще? И сознание не властно над сердцем, так разве бывает?! А что, что в ее сердце сейчас?! Ничего, кроме жгучей обиды и горечи! Ничего. Почему тогда, стоит о нем вспомнить, хочется плакать?

А как быть с Мариной? Что думать о ней?!

– Милая, детка, ну что ты, что?!

Виктор суетливо ползал на коленках по кровати, не зная, что предпринять, чтобы она успокоилась. Совал к ее глазам то край пододеяльника, то простыни. И так его суетливость раздражала ее, такой казалась фальшивой, что она не выдержала и заорала на него:

– Не называй меня деткой, понял!

– Хорошо, не буду. – Виктор тут же надул губы, сел на край кровати. – Что с тобой происходит вообще, Даш? Я весь для тебя, а ты... Ты для кого, Даш? Ты чья?

Ответа у нее не было, и, безутешно проревев еще с полчаса, она выставила растерявшегося Виктора за дверь, лишив его объяснений и отобрав комплект имеющихся у того ключей. Снова полезла в душ, долго мылилась, терла себя мочалкой, приказав себе на этот раз думать и думать надо всем основательно. Потом снова сидела в кухне, творя зарисовки.

Получилось три внушительные стопки, озаглавленные: Баскаков, Марина, Некто.

Этот Некто удостоился всего лишь полутора страниц, тогда как на Баскакова с Мариной получилось по четыре. Но все равно списывать со счетов возможную причастность кого-то неизвестного Даша не хотела.

Записи закончились вместе с сигаретами и кофе. Хотелось того или нет, но в том, чтобы обратиться на улицу, у нее имелась острая необходимость.

Даша вышла на лоджию, вдохнула застоявшегося воздуха, который, невзирая на одиннадцать часов вечера, ничуть не сделался свежее. Наоборот, стал еще плотнее, накопив дневного зноя. Вернулась в комнату, надела шорты из обрезанных, заношенных до дыр джинсов, майку, купленную за полторы сотни на отдыхе, резиновые сланцы. Сунула в карман шорт мобильный, тысячную купюру, ключи и отправилась за кофе и сигаретами в соседний гипермаркет, работающий круглосуточно.

Она давно уже так поздно не выбиралась на улицу. С тех самых пор, как вернулась с моря, где вдоволь наслушалась угроз своему благополучию. Он же предупреждал ее не бродить ночами? Предупреждал. Она и не бродила. И по вздувшимся от сквозняка штормам ладонями похлопывала с опаской, и по шкафам лазила, и под кровать.

Сейчас, медленно бредя по улице, заполненной гуляющими, она вдруг поняла, насколько были смешны все ее страхи. Он заставил Дашу бояться, но опасность подстерегала не там, где она ее ожидала. Он устроил ей западню. Она летела туда, будучи уверенной, что уж там, по чужому адресу, ничего не может случиться. Потому и ситуацию с приоткрытой дверью квартиры Лихих расценила совсем не так, как следовало.

А где теперь он ее подстережет? Где устроит ей ловушку, поняв, что проиграл? Он ведь проиграл в конечном итоге. Вырыл яму ей, но сам в нее угодил.

Три ха-ха, господин Баскаков! Где-то вы просчитались, где-то недооценили противника. Так, так, так, вот это мысль! Кажется, теплее...

В стопке Баскакова не было темы его возможного противника. Ее зарисовки обрывались в том месте, где он либо сам, либо его наемник бьют ее по голове и благополучно отбывают, сделав потом анонимный звонок в дежурную часть местного отдела милиции.

А что, если он к этому не причастен? Ни он, ни его люди? Что, если это месть ему – Баскакову, за все то зло, которое он успел совершить в своей жизни? За ним следили, наделали кучу фотографий, Даша туда тоже успела попасть запуганной до слез... А потом – бац – и разыграли комбинацию с ним, с ней и с Дашиной подругой...

Такое возможно?

Вполне, если...

На этом ее оправдывающие Баскакова мысли оборвались, потому что она нос к носу столкнулась с ним в собственной прихожей. Захар Валентинович подпирал стену ее коридора, как раз ту, где висело большое красивое панно, подаренное ей Виктором к годовщине их свадьбы.

– Привет, – буркнул он совершенно без эмоций, протянул руку, хватая за пакет, в который она вцепилась – попробуй, отбери, – втянул ее через порог в квартиру, захлопнул дверь, запоздало пробормотав: – Входи, чего ты...

Орать во все горло – помогите? Смысл был? Вряд ли. Его умелые руки мгновенно прекратят ее ор метким выстрелом в сердце. И она помрет, как Мишаня, – мгновенно и почти не мучаясь.

Так, а она ведь совсем недавно думала, что Баскаков такая же жертва, как и она. Чего тогда орать? Может, он поговорить пришел? Кстати, а как он попал в квартиру?

– Моим ребятам открыть все три твоих замка – раз плюнуть, – проговорил он, широко шагая в ее кухню, отобрав-таки у нее пакет. – Кричать тоже не советую.

– Не собиралась, – фыркнула Даша в его спину.

Что она чувствовала сейчас, глядя ему в затылок? Господи, да ничего, конечно же, ничего! Потому что боялась что-либо чувствовать. Слишком смелым мог оказаться полет фантазий, додумалась же только что до его невинности. Так дай волю, додумается еще до чего-нибудь. До того, например, что он очень хотел ее увидеть, потому и здесь.

Баскаков прошелся по ее кухне. Швырнул пакет с ее покупками на стол, указательным пальцем ткнул в стул, на котором она сидела часом раньше, творя зарисовки. Кстати, их не оказалось на столе. Исчезли все три стопочки!

Коротко приказал:

– Сядь!

Она, как дура, послушно села. Прямо, как на отдыхе тогда. Он властвует и распоряжается, она подчиняется, молчит и... плачет. Опять ведь глаза на мокром месте, еле сил хватает сдерживаться.

– Ты его не убивала, я так понял, – проговорил он после краткой паузы.

– Нет, – она глянула на него с ненавистью. – Что-то еще?

– Тогда кто это сделал?

– Ты!

Как-то так легко получилось сказать ему «ты», хотя до этого всегда строго держала вежливую «выкающую» дистанцию, играющую ей в помощь. Потому что игра теперь у них велась на одном поле, да? Причем они невольно оказались в одной команде, в одном окопе?

Он уже знает обо всем? Конечно! Он же успел прочесть ее писанину. Она написала про фотографии, присланные анонимом в милицию. К тому же у него наверняка информаторы имелись повсюду. Как же, интересно, с такой агентурной сетью ему удалось угодить в ловушку? Или все бред и в ловушке по-прежнему она?

– А зачем мне это? – спросил он равнодушно.

– Чтобы подставить меня.

– Так бездарно?

Она промолчала, потому что согласна была с ним целиком и полностью. И согласие это возникло буквально полчаса назад.

– Как поживаешь, Даша?

Баскаков подошел к ней почти вплотную, навис над ней, опершись одной рукой в стол, а второй настырно поднимая ее упирающийся подбородок.

Она видела лишь его мягкие светлые замшевые туфли, светлые брюки и слышала дыхание. Ровное, без намека на волнение.

– Посмотри на меня, Даша! – попросил он дружелюбно.

– Не хочу!

– Почему? Боишься?

– Не хочу, и все! – Ей удалось вырваться из его пальцев и отскочить в сторону. – Чего тебе нужно, Захар? Зачем ты здесь? У меня и без того проблемы!

– Наблюдал следы твоих проблем, – произнес он с усмешкой и двинул подбородком в сторону спальни. – Кажется, его зовут Витя.

Она покраснела так, что, казалось, кожа сейчас на щеках лопнет. И сказать, главное, нечего. Понятно, Баскаков осмотрел ее квартиру, пока дожидался ее возвращения. Обнаружил в спальне развороченную кровать и...

Так, а откуда он знает про Виктора? Давно наблюдал за ее квартирой? Как давно? И он ли один?

– Да что же это такое, а!!! – воскликнула Даша и со злостью принялась потрошить брошенный Захаром на стол пакет. – Куда ни пойдешь, всюду глаза и уши! Шагу уже ступить невозможно, чтобы не наткнуться на наблюдающего! Квартира моя... Моя собственная квартира уже мне не принадлежит, здесь слоняется всяк, кто захочет!

– А ты кому принадлежишь, Даша?

Он неслышно подошел к ней сзади, остановился сантиметрах в трех за ее спиной и принялся шумно обдувать ей шею.

– Чья ты, Даша?

Кажется, этот вопрос ей сегодня уже задавали. Бывший муж, изменявший ей в браке направо и налево, вдруг с чего-то озаботился ее принадлежностью кому-то. Но тут еще можно было сделать скидку на его всколыхнувшиеся чувства – хотя верилось с трудом. На то, что, помыкавшись по чужим койкам, он сравнил, понял, осознал. Неспроста же сказал, что она лучшая.

С натяжкой, но скидку на все это можно было сделать.

Этому-то что за печаль?! Она не забыла, она все помнит!

– Тебе-то что? – выпалила она со злостью и неосторожно повернулась к нему лицом.

Ой, не надо было этого делать! Ой, забыла, глупая, как и что она чувствует, глядя в упор в его насмешливые глазницы цвета самой опасной трясины.

На рабочем месте, отгороженная от него Уголовным кодексом, метром дешевой фанеры ее стола, горой бумаг, папок, не знала, как вести себя, что говорить и как ставить вопросы, чтобы не попасть впросак. Но худо-бедно справлялась. Или заставляла себя думать, что справляется.

А здесь? Здесь-то ничего их не разделяло сейчас, ничего! Тонкая ткань майки за полторы сотни, купленная по дороге на пляж. Куцые джинсовые шорты. Да ее злое самообладание, от которого почти уже не осталось ничего...

Он засунул руки в карманы брюк и стоял не двигаясь. Просто смотрел. Смотрел, почти не мигая, и все! Смотрел тяжело и без выражения. Это было еще хуже, чем постоянная ухмылка, от которой ей всегда хотелось выбежать из своего кабинета, рвануть к туалету, умыться лицо и проверить подмышки на форменной рубашке, нет ли там мокрых разводов.

– Паскуда... – прошептала она вдруг, вспомнив Нелькин захлебывающийся восторг в его адрес. – Какая же ты паскуда, Баскаков!

И он тут же отступил и двинулся тяжелой поступью из кухни прочь. Уже у открытой входной двери сказал негромко, но так, чтобы она слышала:

– Я должен извиниться перед вами, Дарья Дмитриевна, я был не прав.

И ушел, хлопнув дверью так, что она вздрогнула. Ухитриться же надо было, дверь обычно закрывалась бесшумно.

– Сражает наповал, паскуда, – простонала она, сползая по дверце шкафа на пол. – Нелька была права, сражает наповал... Бумаги забрал...

Он их не забирал. Свои зарисовки Даша обнаружила в гостиной, куда забрела, бродя бесцельно по квартире. Они так же аккуратно были разложены на стопочки на маленьком стеклянном столике возле углового дивана, но в них кое-что добавили.

Например, возле пункта про присланные в милицию анонимом фотографии господин Баскаков поставил жирный вопрос и написал печатными буквами – кто? Вопрос хороший и интересующий не его одного, между прочим.

Стопка с названием «Марина» вообще была испещрена вопросительными знаками и краткими замечаниями, надо полагать, должными направить ее – Дашу – в нужном направлении.

Это возмущало, злило и раздражало одновременно.

Оказывается, они с господином Баскаковым мыслят практически одинаково. Вот, например, он решил, что начать она должна с риелторской конторы, которой принадлежала квартира под номером тридцать восемь. А она как раз завтра туда и собиралась.

Потом он засыпал ее своими заметками-пометками о больнице, где работала Марина. Там надлежало выяснить всю правду про ее рабочий график и про две внеплановые операции в день убийства Михаила. Были они, не были. Кто врет, если врет вообще.

Следом Даша должна была получить распечатку всех телефонных звонков Марины в тот трагический день, а также в дни, предшествующие убийству, и в последующие несколько дней.

Ну а уж потом, после всей этой работы, ей следовало поехать к родителям Михаила и попробовать вызволить из добровольного заточения Марину с тем, чтобы вытрясти из нее всю правду, опираясь на имеющиеся уже у Даши факты.

Нормально?!

На стопке «Некто» Баскаков поставил жирный крест и написал с угла на угол крупно: вряд ли.

– Да пошел ты! – рассвирепела Даша и пустила всю свою писанину веером по комнате. – Без тебя знаю, что делать!

Ушел, ухитрившись хлопнуть бесшумной дверью так, будто с притолокой ее вместе вынес. Извинился. Кстати, а за что?

Вариантов оказалось множество, но она остановилась на том, что Баскаков извинился за наглое вторжение в ее квартиру. За осмотр всех комнат, включая спальню со следами пылкой встречи бывших супругов. Ну и за то, что влез в ее бумаги и оставил свои пометки на полях.

Другие варианты были нехорошими и постыдными даже.

Взять хотя бы тот, что Баскаков извинился за то, что подставил Дашу, уложив ее оглушенной рядом с трупом Миши, да еще и пистолет ей в руки вложил. Разве тут извинениями пахнет?! Тут...

Тут ему просто башку надобно снести за такое! Нет, господин Баскаков, такие дела извинениями не списываются.

Ну а про то, что он извинился за оскорбления, нанесенные ей на отдыхе, вообще думать не хотелось. Потому что снова начинала гореть кожа на щеках от приливающей к лицу крови.

Ведь это значило, что он...

Что он, подойдя к ней вплотную, что-то сумел прочесть в ее панически мечущихся глазах. И успел понять, что не так уж она холодна и неприступна. И что сделай он только шаг навстречу, она бы...

– И хорошо, что ушел! – ворчала она, чуть позже ползая по полу гостиной и подбирая разбросанные ею записи. – И нечего ему тут вообще делать! И никому нечего, вот. А завтра я доберусь наконец до этой риелторской конторы.

Глава 5

К тетке, которая встретила Дашу, стоило ей подняться на второй этаж, куда привели ее вывеска и жирные синие стрелки, припиленные к стенам, так и хотелось обратиться – мадам.

Полуобнаженные полные плечи, глубокое декольте, рюши, ожерелье из полудрагоценных камней, белые локоны в замысловатой прическе. Да еще и веер в левой руке.

Даша не выдержала и в самом деле сказала:

– Мадам, я правильно поняла, это и есть компания «Асан»?

– Вы что же, милая, не умеете читать? – насмешливо протянула мадам, но без злости, что уже было хорошо. – Вот здесь написано: риелторская компания «Асан».

Ее веер ткнул куда-то поверх головы Даши.

– А вот тут... – веер постучал по золотистой табличке, втиснутой в изящную хрустальную пятерню на столе, – золотым по бархату написано: Веретенникова Алла Витальевна. А вы, понимаешь, мадам!

– Я не хотела вас обидеть, – чуть отступила от стола Даша, так и казалось, что веер доберется и до нее и станет постукивать, где захочет. – Вы просто столь колоритны, Алла Витальевна, что...

Слов не находилось, хоть убей. Хорошо хозяйка веера пришла на помощь, сдобрив свое наигранное негодование милой снисходительной улыбкой.

– Да полноте извиняться, милочка. Меня все так зовут, даже дети. Присаживайтесь. Как вас?..

Даша полезла за удостоверением, которое все еще не требовали с нее, то ли стыдились отобрать последнее, то ли забыли в суете, когда выдворяли ее из отдела.

– Ага! – насупилась мадам. – Что? Какие-то нарушения со стороны работы моих сотрудников выявлены? Или за помощью?

– За помощью, конечно, за помощью, Алла Витальевна. – Даша широко и приятно улыбнулась, что делалось ею крайне редко в последнее время, как-то не до веселья было. – Меня интересует одна квартирка по адресу... – она продиктовала адрес. – Кто ее снимал в последнее время и куда подевался, если снимал.

– А если не снимал? – мадам даже не шевельнулась, услышав адрес интересующей Даши жилплощади.

– То, возможно, кто-то интересовался или...

– Господи! Что там опять стряслось, можно узнать?! – перебила ее Алла Витальевна и начала выбираться из своего глубокого бархатного кресла.

Она оказалась большой, но не грузной. И двигалась быстро по кабинету. Просто порхала от окна к столу, от стола к двери и обратно – заученным треугольным фарватером. Не полезла в сейф, не подошла к стеллажам с многочисленными папками. Просто металась и стенала, стенала и металась.

Даша сидела тихо и ждала окончания.

– Ведь говорила Жоржу, давай от нее избавимся! Нет же... Теперь на этой хате печать проклятья!!! Что там опять?! Тараканы? Пьянки? Дебош студенческий?! Что лает жилконтора?

Она выдохлась и со стоном упала на свой трон, иначе бархатное кресло с высокой спинкой и покатыми подлокотниками с золоченой резьбой было и не назвать.

– В этой квартире ничего не произошло.

– Нет?!

– В ней – нет. Произошло в соседней.

– Помилуйте, что вы мне тут голову морочите? – хихикнула неожиданно тонко и звонко мадам, поправив крупными пальцами ожерелье на шее. – Пришли узнать про квартиру тридцать восемь, про ее жильцов, а там, оказывается, ровным счетом ничего не произошло. Так я поняла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.